

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 2(9). Декабрь, 2017

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнгрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 2. 2017.

ИСТОРИЯ

- Веригин С. Г. **Деятельность советских спецслужб по ликвидации финских разведшкол на Карельском фронте (1942-1944 гг.)** 4 - 9

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Килин Ю. М. **Меморандум о взаимопонимании 4 сентября 2014 года между НАТО и Финляндией** 10 - 15

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Цумарова Е. Ю. **Особенности реализации государственной политики по поддержке моногородов в Республике Карелия (на примере г. Сегежи и пгт. Надвоицы)** 16 - 23

- Смирнова А. А. **Особенности подхода финских организаций в защиту мира к деятельности НАТО** 24 - 29

ЭКОНОМИКА

- Ларченко О. В. **Территории опережающего социально-экономического развития как новая организационная форма развития региона (на примере Республики Карелия)** 30 - 35

Рецензии

- Смирнова А. А. **РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: Sloan S. Defense of the West: NATO, the European Union and the Transatlantic Bargain. Manchester: Manchester University Press, 2016. 400 p. (Слоан С. Оборона Запада: НАТО, Европейский союз и трансатлантическая сделка)** 36 - 40

- Килин Ю. М. **Рецензия на кн.: Hägglund G. Rauhan utopia. Docendo, 2014. 182 s. (Хегглунд Г. Утопия мира)** 41 - 49

- Серова Е. **Рецензия на кн.: Pyukönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p. (Пююкёнен Ю. Северные партнёры НАТО: как соотносятся политические курсы сотрудничества Финляндии и Швеции с Альянсом?).** 50 - 53

Хроника научных мероприятий

- Иноземцева В. А.,
Черненко Е. И. **Шестая ежегодная международная конференция «Октябрьские чтения»** 54 - 59

УДК 94 (4) "1939/45"

Деятельность советских спецслужб по ликвидации финских разведшкол на Карельском фронте (1942-1944 гг.)

ВЕРИГИН
Сергей
Геннадьевич

*доктор исторических наук,
директор Института истории, политических и
социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, @*

Ключевые слова:

советские спецслужбы
финские разведшколы
Карельский фронт
НКВД
«Смерш»

Аннотация:

В статье на основе широкого круга документов, в первую очередь архивных источников, дается анализ деятельности военной контрразведки Карельского фронта и территориальных органов НКВД Карело-Финской ССР по уничтожению финских разведшкол в полосе Карельского фронта. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия начальника 4-го управления НКВД СССР П. А. Судоплатова с 4-м отделом НКВД КФССР. Показывается, что благодаря активности советской контрразведки финской и немецкой разведкам в годы Великой Отечественной войны не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

Финляндия, вступив летом 1941 года в войну против Советского Союза на стороне нацистской Германии, рассчитывала на быструю победу над Красной Армией. Исходя из этих расчетов, перед началом военных действий финская военная разведка не создала разведывательных школ по подготовке агентуры для получения сведений о Красной Армии и ее планах. Однако в условиях начавшейся на Карельском фронте с декабря 1941 года позиционной войны и столкнувшись с острой нехваткой информации о противнике, руководство финской военной разведки приняло решение о развертывании разведывательно-диверсионных школ по подготовке разведчиков, радистов и диверсантов. В конце 1941 - начале 1942 гг. на приграничной территории Финляндии и в оккупированной части Советской Карелии финская разведка создала 5 разведывательных школ: в Петрозаводске (2 школы), Рованиemi, Суомуссалми и Медвежьегорске [9; 128-141]. Кроме того, в районе Рованиemi была сформирована немецкая разведывательно-диверсионная школа.

Разведывательные задачи агентуре, забрасываемой финскими разведшколами, ставил разведывательный отдел Главной ставки финских вооруженных сил. Они заключались в выявлении тактических и стратегических планов командования Красной Армии; сборе данных о политико-моральном состоянии Красной Армии и населения советского тыла; сборе сведений военного характера и данных о состоянии промышленных предприятий, работающих на оборону, а также о железнодорожном, шоссейном и водном транспорте и др. Кроме того, финская разведка готовила агентуру по внедрению в действующую Красную Армию для сбора разведданных.

Агентура направлялась в ближний и глубокий тыл Карельского и Ленинградского фронтов, в

Беломорск, Сегежу, Пудож, Мурманск, Кандалакшау а также населенные пункты Ленинградской, Архангельской, Мурманской и Вологодской областей [2; 35, 4; 200, 13; 121, 12; 15, 14; 182].

Самой крупная финская разведывательно-диверсионная школа находилась в Петрозаводске. Подготовка разведчиков в ней началась в мае-июне 1942 года, на курсах проходили подготовку одновременно до 20 агентов [14; 182, 15; 250]. Первый курс закончил обучение в начале августа 1942 года. Разбитых на пары 12 агентов забросили в августе – сентябре 1942 года в советский тыл: 1-я группа разведчиков была направлена с разведзаданием водным путем в Ленинградскую область; все остальные направлены воздушным путем: 2-я группа – в Беломорский район, 3-я группа – на Московское направление, 4-я группа – в тыл Карельского фронта (направление неизвестно), 5-я группа – на Мурманское направление, 6-я группа – в Каргопольский район Архангельской области [3; 82].

В последующем Петрозаводская разведшкола не снижала своей активности. Так, с сентября 1942 по январь 1943 года на курсах этой разведшколы обучалось более 30 человек, которые в январе 1943 года были заброшены в советский тыл. Известно места заброски девяти агентурных групп (по 2 человека в каждой): в Карелию, в район Беломорска и Сегежи, а также в Архангельскую и Вологодскую области [3; 82]. Практически все эти агенты были задержаны органами контрразведки. Всего, по разным данным, в Петрозаводской школе было подготовлено от 80 до 300 агентов [14; 18-24, 3; 82]. Впрочем, точную численность подготовленных курсантов очень сложно определить, так как многие из них, например, обучавшиеся в Рованиемской разведшколе, проходили обучения и в Петрозаводской разведшколе.

Активно, хотя и в меньших масштабах, чем Петрозаводская разведшкола, готовили агентуру финские разведшколы в Суомуссалми, Рованиеми и Медвежьегорске.

Основная тяжесть борьбы по противодействию агентурной немецкой и финской разведкам на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны легла на Управления 3-х отделов Народного комиссариата Обороны и 3-х отделов Военно-Морского Флота (позже Управления Контрразведки «Смерш») Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов, Балтийского и Северного флотов, а также на контрразведку НКВД (позже НКГБ) Карело-Финской ССР и Управления НКВД (НКГБ) СССР по Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областям.

Особое беспокойство командования Красной Армии на Карельском фронте вызывала активность немецких и финских разведшкол, и органам безопасности были поставлены задачи по локализации их деятельности. Эти мероприятия осуществлялись посредством внедрения своих разведчиков и агентов в разведывательные школы, а также ликвидации или уничтожения разведывательных школ противника. При этом все действия проводились параллельно и одновременно территориальными органами НКВД Карело-Финской ССР и военной контрразведкой Карельского фронта, причем мероприятия по второму направлению возлагались на 4-й отдел НКВД (НКГБ) КФССР.

Первое направление деятельности советских органов безопасности на Карельском фронте являлось довольно успешным и было раскрыто автором в докладе на предыдущих «Исторических чтениях на ул. Гороховая, 2» (апрель 2016 года), опубликованном в сборнике по итогам чтений. В данной статье более детально остановимся на втором направлении – борьбе советских органов безопасности по ликвидации финских разведывательно-диверсионных школ на Карельском фронте в 1942-1944 годах.

Впервые вопрос об уничтожении Петрозаводской школы финской разведки официально обсуждался в конце сентября 1942 года. Именно тогда 4-й отдел НКВД КФССР совместно с ЦК КП(б) КФССР разработал «План проведения специальных мероприятий по “Т” (террор) и “Д” (диверсии) на временно оккупированной противником территории на период октябрь и ноябрь 1942 г.». Вторым пунктом плана предусматривался «Разгром школы разведчиков в г. Петрозаводске в районе лесного техникума». Для этого 4-й отдел НКВД КФССР к 15 октября 1942 года планировал подготовить разведывательно-диверсионную группу численностью 25 человек для заброски в тыл противника средствами Онежской флотилии. 27 сентября 1942 года план был согласован с наркомом внутренних дел КФССР майором ГБ М. И. Баскаковым и 2 октября 1942 года утвержден членом Военного совета Карельского фронта бригадным комиссаром Г. Н. Куприяновым [8; 289].

Однако по каким-то причинам этот план НКВД КФССР не был осуществлен. Можно предположить, что в дело вмешалось 4-е управление НКВД-НКГБ СССР, которым руководил П. А. Судоплатов. Видимо, Управление посчитало, что данный вопрос надо решать на более высоком уровне и пожелало принять участие в разгроме Петрозаводской школы финской разведки. Эта версия подтверждается последующим ходом событий.

25 октября 1942 года по указанию П. А. Судоплатова заместитель начальника 4-го управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Н. И. Эйтингон запросил руководство НКВД КФССР в

кратчайший срок выслать все материалы о финской разведывательной школе в г. Петрозаводске: численность и расположение охраны, план занятых школой зданий и план прилегающей местности, внутренний распорядок и режим постоянного и переменного состава [3; 157]. После изучения полученных из КФССР документов для проведения операции по разгрому Петрозаводской разведшколы в конце 1942 года в составе отдельного мотострелкового батальона особого назначения 4-го управления НКВД СССР был сформирован спецотряд под названием «Суоми» (командир — капитан П. Б. Борисов).

5 февраля 1943 года П. А. Судоплатов отправил шифрограмму на имя наркома НКВД КФССР М. И. Баскакова, в которой говорилось: «Направляем Вам отряд капитана т. Борисова в составе 9 человек, которому поручено произвести отбор 60 бойцов из личного состава, находящегося в Вашем распоряжении спецотряда, для последующего зачисления в состав бригады особого назначения. Считаю целесообразным использовать его для проведения операции по разгрому финской школы разведчиков, находящейся в г. Петрозаводске. Прошу оказать необходимое содействие капитану Борисову в выполнении возложенных на него задач» [34; 157].

Через несколько дней, 9 февраля 1943 года, начальник 4-го отдела НКВД КФССР старший лейтенант госбезопасности Изотов доложил Судоплатову: «Направляю Вам список бойцов, сформированного спецотряда в количестве 46 человек для зачисления в штат бригады. Прошу зачислить бойцов на все виды довольствия и выслать аттестат на указанное количество бойцов» [1; 77, 3; 157]. В конце марта 1943 года отряд был окончательно сформирован, пополнен бойцами местного спецотряда и передан в оперативное подчинение 4-му отделу НКВД КФССР.

Однако следует отметить, что окончательное формирование отряда затянулось на полгода, что было связано с доукомплектованием спецотряда бойцами местной специальной школы из числа советских финнов и карелов, хорошо владеющих финским языком. С этой целью весной 1943 года оперработники 4-го отдела НКВД КФССР выезжали в Челябинск для подбора кадров из молодых финнов, эвакуированных (фактически насильственно депортированных) из Карелии в 1941 году (так называемые трудоармейцы), которых предполагалось использовать в составе специального отряда отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) 4-го управления НКВД СССР.

О боевых действиях отряда «Суоми», направленного Судоплатовым в Карелию для ликвидации Петрозаводской школы финской разведки, у карельских исследователей нет единого мнения. Так, С. С. Авдеев весьма невысоко оценивает результаты деятельности отряда «Суоми». Он пишет: «Целью создания отряда было проведение специальных операций по финским разведорганам. Однако формирование отряда затянулось на полгода, его бойцы вместо боевой подготовки занимались строительством жилого дома НКВД в г. Беломорске и лишь в сентябре 1943 г. приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе станции Илемсельга. В результате непродуманных вариантов отхода (рация не работала), при постоянном преследовании противником, преодолев пешком порядком в течение двух недель 360 км, отряд вышел в Беломорск» [7; 11, 1; 37, 59; 78].

Несколько иную позицию занимает Э. П. Лайдинен. Он отмечает: «После формирования отряд Борисова дважды направлялся в тыл противника для проведения диверсий среди финских войск и оба раза успешно выполнил задания. Так, в сентябре 1943 г. бойцы спецотряда “Суоми” приняли участие в боевой операции, заминировав 5 км участка железной дороги в районе ст. Илемсельга (Кондопожский район)» [8; 299].

Однако подчеркнем, что отряд «Суоми» так и не был использован для своего прямого назначения, определенного начальником 4-го управления НКВД СССР П. А. Судоплатовым — уничтожения Петрозаводской разведшколы и в ноябре 1943 года был отозван в Москву [1; 37, 59, 78, 10; 149]

Время для проведения операции было упущено. Более того, по мнению финляндских исследователей, к концу 1942 года финская разведка получила данные о намерениях НКВД КФССР по уничтожению разведывательной школы и в марте 1943 года Петрозаводская разведшкола из Петрозаводска была переведена в пригород, в район озера Шотозеро (Пряжинский район Карелии). Здесь она функционировала несколько месяцев, а осенью 1943 года была передислоцирована на территорию Финляндии в район Руоколаhti [14; 182, 15; 250].

Задачу по проникновению в Петрозаводскую школу финской разведки, а затем и ее уничтожению НКВД Карелии пытался решить и собственными силами. Его 4-й отдел в течение 1942—1944 гг. направил в тыл финских войск несколько подготовленных разведывательно-диверсионных групп. Однако эти мероприятия также не увенчались успехом. Так, 26 октября 1943 года в оккупированный Прионежский район катерами Онежской флотилии была заброшена агентурная группа 4-го отдела НКВД КФССР «Виктория» в составе Владимира Львовича Попова, Киприяна Матвеевича Поташева и Анны

Ивановны Макушевой с задачей устроиться на нелегальное проживание на период зимы 1943–1944 гг. у своих родственников и, используя связи, проникнуть в Петрозаводск, проводя разведку деятельности Петрозаводской разведшколы. Группа не выполнила задание, так как В. Л. Попов сдался в плен, а позднее были задержаны и другие члены группы [5; 22].

25 октября 1943 года в Шелтозерский район была заброшена агентурная группа «Соратники» в составе агента «Кампайлу» и радиста «Зайцева» Перед группой была поставлена аналогичная задача, однако она вернулась обратно уже через три дня, 28 октября 1943 года, не выполнив задание [6; 2].

В связи с переводом Петрозаводской разведшколы на территорию оккупированного Пряжинского района 2 ноября 1943 года сюда с задачей организации нелегальной резидентуры, выявления практической деятельности и кадров Петрозаводской разведшколы, а также вербовки агентуры из ее окружения была заброшена агентурная группа «Кама» в составе Константина Васильевича Манзырева, Семена Андреевича Вавулова и Евдокии Михайловны Сергеевой. Из-за предательства С. В. Вавулова группа не выполнила задание. Манзырев и Сергеева были убиты в перестрелке с финнами, а С. В. Вавулов после войны был осужден советским судом [5; 21].

10 марта 1944 года в этот же район с аналогичной задачей была заброшена агентурная группа «Приятель». Как стало известно после освобождения Петрозаводска, группа провалилась и разведчики были арестованы. С 30 марта по 21 июня 1944 года радист группы «Кедровский» работал под диктовку противника, сообщая в НКГБ КФССР дезинформацию о деятельности Петрозаводской разведшколы. Таким образом, ликвидировать Петрозаводскую разведшколу не удалось. Более того, финны, зная о планах советских спецслужб, перевели ее еще осенью 1943 года в Финляндию.

Несмотря на отдельные провалы и неудачи, связанные с невыполнением задачи по уничтожению финских разведывательно-диверсионных школ, в целом органы безопасности Северо-Западного региона СССР успешно противодействовали разведкам противника в 1941–1944 гг. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за период 1941–1945 гг., направленном во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ СССР 29 августа 1945 года, отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей Красной Армии на Карельском фронте было задержано 129 агентов финской разведки, окончивших разведывательные школы [5; 28]. Благодаря активности советской контрразведки, большинство мероприятий финской и германской разведок на северо-западе СССР были сорваны и разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА, а заброшенная в советский тыл агентура ограничивалась сбором информации визуальным путем.

Список источников и литературы

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее — Архив УФСБ РФ по РК). Фонд литературных дел (далее — ФЛД). Д. 10. Т. 1.
2. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 22. Т. 1.
3. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2.
4. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 29. Т. 2.
5. Архив УФСБ РФ по РК. Фонд секретного делопроизводства (далее — ФСДП). Оп. 1. Д. 302.
6. Архив УФСБ РФ по РК. Фонд контрразведывательного отдела (далее — ФКРО). Оп. 1. Д. 95.
7. Авдеев С. С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941—1944 гг.). // Карелия в Великой отечественной войне 1941—1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). / Науч. ред.: Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев. Петрозаводск, 2001. С. 29—36.
8. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
9. Веригин С. Г. Финские разведывательные школы на оккупированной территории Карелии в 1941—1944 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2013. С. 128—142.
10. Веригин С. Г. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД (НКГБ) Карелии в тылу финских войск (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2005. С. 124—141.
11. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 332 с.
12. Хлобустов О. М. Финские командос в советском тылу // Новости разведки и контрразведки. 2000. № 13—14. С. 15—20.

13. Чижевский Т. А. На Мурманском направлении // *Документы свидетельствуют. Армейская разведка в годы войны*. М., 1994. С. 115—126.
14. Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan... Helsinki : Otava OY. 1989.
15. Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982.

References:

1. Archive of the *Department of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Republic of Karelia* (hereinafter — Archive of UFSB of the RF for the RK). [Arkhiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po Respublike Kareliya (dalee — Arhiv UFSB RF po RK). Fond liternykh del (dalee — FLD)]. Lettered Cases Fund (hereinafter — FLD. D. 10. T. 1.
2. Archive of UFSB of the RF for the RK. [Arkhiv UFSB RF po RK]. FLD. D. 22. T. 1.
3. Archive of UFSB of the RF for the RK. FLD. D. 25. T. 2.
4. [Arkhiv UFSB RF po RK]. Archive of UFSB of the RF for the RK. [Arkhiv UFSB RF po RK]. FLD. D. 29. T. 2.
5. Archive of UFSB of the RF for the RK. Classified Document Management Fund (hereinafter — FSDP). [Arkhiv UFSB RF po RK. Fond sekretnogo deloproizvodstva (dalee — FSDP)]. Op. 1. D. 302.
6. Archive of UFSB of the RF for the RK. Counterintelligence Department Fund (hereinafter — FKRO). [Arkhiv UFSB RF po RK. Fond kontrrazvedyivatel'nogo otdela (dalee — FKRO)]. Op. 1. D. 95.
7. Avdeev S. S. Operations of Soviet intelligence agencies on the Karelian Front (1941 - 1944) // (Karelia during the Great Patriotic War in 1941—1945. Materials of the republican research and practice conference dedicated to the 55th anniversary of the victory in the Great Patriotic War (28th of April 2000) / Ed. by N. A. Korablev, V. G. Makurov, M. A. Mishenev. Petrozavodsk, 2001. P. 29—36. [Avdeev S. S. Deyatel'nost sovetskikh spetsgrupp na Karel'skom fronte v tylu protivnika (1941—1944 gg.). // Kareliya v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941—1945 gg.: Materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy 55-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (28 aprelya 2000 g.). / Nauch. red.: N. A. Korablev, V. G. Makurov, M. A. Mishenev. Petrozavodsk, 2001. S. 29—36].
8. Verigin S. G. Karelia amidst war hardships. Political and social-economic situation of Northern Karelia during World War II 1939-1944. Petrozavodsk. PetrSU Publishing House, 2009. 544 p. [Verigin S. G. Kareliya v gody voennykh ispytaniy. Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoy Karelii v period Vtoroy mirovoy voyny 1939—1945 gg. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2009. 544 s.].
9. Verigin S. G. Finnish intelligence schools on the occupied territory of Karelia in 1941-1944 // Saint-Petersburg and countries of Northern Europe. Materials of 14th annual international scientific conference. SPb., 2013. P. 128—142. [Verigin S. G. Finskie razvedyivatel'nyie shkoly na okkupirovannoy territorii Karelii v 1941—1944 gg. // Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropyi. Materialy Chetyrnadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. SPb., 2013. S. 128—142].
10. Verigin S. G. Operations of reconnaissance and sabotage groups of NKVD (NKGB) of Karelia in the rear of Finnish troops (1941—1944) // *Issues of History of the European North*. Petrozavodsk, 2005. P. 124—141. [Verigin S. G. Deyatel'nost razvedyivatel'no-diversionnykh grupp NKVD (NKGB) Karelii v tylu finskikh voysk (1941—1944 gg.) // *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa*. Petrozavodsk, 2005. S. 124—141].
11. Sudoplatov P. A. Undercover operations. Lubyanka and Kremlin 1930—1950. M.: OLMA-PRESS, 1977. 332 p. [Sudoplatov P. A. Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml 1930—1950 gody. M. : OLMA-PRESS, 1997. 332 s.].
12. Hlobustov O. M. Finnish commandos in Soviet rear // *Intelligence and counterintelligence news*. 2000. № 13—14. P. 15—20. [Hlobustov O. M. Finskie kommandos v sovetskom tylu // *Novosti razvedki i kontrrazvedki*. 2000. No 13—14. S. 15—20].
13. Chizhevsky T. A. On the way to Murmansk // *Documents testify. Army intelligence during the war*. M., 1994. P. 115—126. [Chizhevskiy T. A. Na Murmanskom napravlenii // *Dokumenty svidetelstvuyut. Armeyskaya razvedka v gody voyny*. M., 1994. S. 115—126].
14. Heiskanen R. Saadun tiedon mukaan... Helsinki : Otava OY. 1989.
15. Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, 1982.

Operations of Soviet Intelligence Agencies On the Karelian Front For the Liquidation of Finnish Intelligence Schools (1942-1944)

**VERIGIN
Sergey**

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute of History, Political and Social
Sciences,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russia, @*

Keywords:

Soviet intelligence agencies
Finnish intelligence schools
Karelian Front
NKVD
"SMERSH"

Summary:

Based on a wide range of the documents, primarily on archival sources, the article presents an analysis of the operations of the military counterintelligence of the Karelian Front and regional NKVD bodies of the Karelo-Finnish SSR for liquidation of Finnish intelligence schools in the operational zone of the Karelian Front. Special attention is given to cooperation of the head of the 4th Department of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR Pavel A. Sudoplatov and the 4th division of the People's Commissariat of Internal Affairs of the KFSSR. It is shown that due to Soviet counterintelligence's effort, Finnish and German intelligence didn't manage to commit any important sabotage in the rear operational zone of RKKA during the Great Patriotic War.

УДК 327.7

Меморандум о взаимопонимании 4 сентября 2014 года между НАТО и Финляндией

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

Ключевые слова:

Финляндия
НАТО
Меморандум о взаимопонимании

Аннотация:

В статье анализируется Меморандум о взаимопонимании, подписанный 4 сентября 2014 года в Уэльсе на саммите Североатлантического альянса между командующим оборонительными силами Финляндии Я. Линдберг и Ф. Бридлавом, по которому Финляндия (и Швеция) присоединились к программе альянса Поддержка принимающей страны. Меморандум стал самой значительной вехой сближения Финляндии с НАТО с 1992 до 2017 года, он был подписан и вступил в силу с нарушением положений Конституции Финляндии в экстраординарном порядке. Содержание Меморандума позволяет НАТО, на практике США, в случае серьезного международного кризиса использовать территорию Финляндии и всю восточную Балтику в предшествующий войне период как плацдарм для ведения военных действий против Север-Западного федерального округа России, на мурманском, карельском и санкт-петербургском направлениях.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

Сближение Финляндии с НАТО началось в 1992 году с участия в Совете сотрудничества Североатлантического альянса в качестве наблюдателя. После вступления в должность 1 марта 1994 года президента Мартти Ахтисаари, сторонника сближения с НАТО, движение в этом направлении ускорило. С начала 1990-х годов в выборе шагов и графика сближения с Альянсом Финляндия соблюдала принцип совершения одновременных действий со Швецией. В мае 1994 года Финляндия и Швеция подписали Рамочный документ о вступлении в Партнерство во имя мира – формат сотрудничества, призванный создать атмосферу доверия между НАТО, нейтральными государствами Европы, странами бывшего советского блока, а также 15 государствами, возникшими в результате распада СССР. Во второй половине 1990-х годов основным инструментом военно-технического и политического сближения Финляндии и Швеции с НАТО стало их участие в трех этапах Планирования и анализа процессов (PARP – Planning and Review Process) Программы партнерства во имя мира [3; 25–73].

Публично заявленной целью Процесса планирования и анализа являлось «содействие развитию сил и возможностей партнеров», для участия в операциях НАТО по урегулированию кризисов и других мероприятиях по укреплению безопасности и стабильности. Партнерство обеспечивало повышение функциональной совместимости и возможностей партнерских сил [9], что на практике означало переход на стандарты Альянса и для многих государств являлось необходимым этапом для перехода к участию

в Планах действий по членству в НАТО.

С 1995 по 1999 год в Финляндии и Швеции было реализовано два этапа Планирования и анализа процессов, которые включали в себя, в частности, унификацию тактических знаков и использование английского языка для управления военными самолетами. С начала 2001 года был реализован 3-й этап, в рамках которого Финляндия реализовала 64 пункта (20 общих, 22 для сухопутной армии, 12 для ВМС и 10 для ВВС оборонительных сил страны). На этом этапе было налажено сотрудничество органов Альянса практически со всеми министерствами Финляндии, включая министерство образования. Финляндия и Швеция вошли также в ключевые организации НАТО: Технического обслуживания и снабжения (NAMSO), Комитет планирования для гражданского населения по чрезвычайным ситуациям (CEPC), Западноевропейскую группу по вооружениям (WEAG) [3; 69–73, 137].

В марте 1999 года командующий оборонительными силами Финляндии генерал Густав Хегглунд заявил, что Финляндия готова стать членом НАТО, так как всего за четыре года совместимость ее вооруженных сил с Альянсом достигла почти 70%, в то время как Польши, вступившей наряду с Чехией и Венгрией в НАТО 12 марта 1999 года – лишь 25%. Тогда же бывший министр обороны Финляндии Аннели Тайна (1995–1999 гг.) заявила, что Финляндия «обручена с НАТО, «но день свадьбы еще не назначен», а генерал Хегглунд совместимость вооруженных сил НАТО и Финляндии сравнил с таковой у «штепселя и розетки» [6; 170].

Он же объяснил, почему Финляндия не воспользовалась моментом слабости России и не форсировала вступление в Североатлантический альянс, или по крайней мере не попыталась сделать это: ни на одном из этапов расширения НАТО для Финляндии не находилось «подходящей кампании» – наиболее удобный момент для вступления представился в конце 1990-х годов, когда членами НАТО стали Польша, Венгрия и Чехословакия, но они принимались для «экспорта демократии», в то время как Финляндия, по его словам, демократией «могла поделиться с другими». В то же время, Швеция, Австрия, Ирландия и Швейцария, которые были бы естественными партнерами Финляндии, не выразили желания стать членами Альянса [6; 171].

Это объяснение представляется весьма упрощенным и не учитывает непопулярность идеи членства в НАТО в финском обществе и парламенте. Впрочем и сам Хегглунд не является сторонником этой идеи, полагая что вступление в НАТО разрушит систему территориальной обороны страны и заставит отказаться от призывной армии [6; 170–172]. В свою очередь, сторонники членства Финляндии в НАТО, которые объединены в Атлантическое общество (*Atlantti-seura*), считают, что благоприятное время для вступления страны в НАТО было упущено в начале 2000-х годов, возлагая «тяжелую ответственность перед историей» за это на руководителей государства: президентов Мартти Ахтисаари и Тарью Халонен, премьер-министров Пааво Липпонена и Матти Ванханена, а также министра иностранных дел Эркки Туомиоя [11; 328].

Поддача заявки Финляндии на вступление в НАТО до настоящего времени является невозможной по внешне- и внутривнутриполитическим причинам. Опросы общественного мнения в Финляндии о членстве в НАТО, проведенные в 2014–2016 гг., несмотря на влияние украинского кризиса, показали непопулярность этой идеи – в 2015 году социологи насчитали 26% сторонников, 43% противников и 32% колеблющихся [5]. В Финляндии сильна парламентская оппозиция: из 8 финских парламентских партий членство в НАТО открыто поддерживают лишь 2: правоцентристская Коалиционная партия и Шведская народная партия, совместно имеющие в парламенте 47 депутатов из 200 [5]. Такое положение сохранится до следующих парламентских выборов в Финляндии в 2019 году.

Украинский кризис и проблема Крыма предоставили сильному пронатовскому лобби в Финляндии исторический шанс быстрого сближения с НАТО. 4 сентября 2014 года на саммите НАТО в Уэльсе командующий оборонительными силами Финляндии Ярмо Линдберг и командующий вооруженными силами Швеции генерал Сверкер Горансон в присутствии министров обороны двух стран (на саммите присутствовал и президент Саули Ниинистё) подписали меморандум о взаимопонимании, согласно которому страны присоединились к программе альянса Поддержка принимающей страны (*Host Nation Support*). Более пронатовский по составу шведский риксдаг ратифицировал Меморандум после долгих дебатов 25 мая 2016 года. В Финляндии же парламент отказался обсуждать Меморандум, под предлогом того, что документ является политическим, а не международным договором [2].

Таким образом, Меморандум вступил в Финляндии в силу чрезвычайным порядком, сразу после подписания без должной парламентских дебатов с последующим голосованием и, как будет показано ниже, с нарушением конституционных норм. Почему финское руководство пренебрегло демократическими нормами и поставили общество перед свершившимся фактом? И почему не сработало главное правило финской внешней политики «делай как шведы»? Исследователи проблемы

полагают, что это произошло, не в последнюю очередь, в силу различий в политической культуре двух стран. В Финляндии влиятельная часть политической элиты, контролирующая мейнстримовые СМИ, не допустила публичной дискуссии о НАТО, о содержании Меморандума обществу и парламенту сообщалась полуправда с целью отвлечения общественного мнения и избежания негативной реакции России [3; 10–11].

Проанализируем основные положения Меморандума о взаимопонимании, опираясь на его оригинальный текст [7] и анализ критиков содержащийся в коллективной монографии, название которой на русский язык можно перевести как «Так Финляндию втягивают (в НАТО)» [8]. О чрезвычайности, в атмосфере которой Меморандум был подготовлен и подписан свидетельствует, в частности, нарушение дипломатической традиции составления международных (и политических) договоров на языках государств, их подписывающих, если только речь не идет об отношениях метрополии и ее колоний – официальный текст Меморандума существует только на английском языке.

Финский политический деятель Эско Сеппянен предлагает представить, «какой шум бы поднялся» в Финляндии, если двусторонний международный договор с Россией был бы составлен и опубликован «только на русском языке». Он указывает на старую финскую традицию заключать подобные соглашения, позволяющие войскам зарубежных государств находиться и вести боевые действия на территории Финляндии, а также используя ее территорию: зимой 1918 года немецкая Балтийская дивизия прибыла в южную часть страны для участия в гражданской войне на стороне белых сил, осенью 1940 года войска нацистской Германии использовали территорию страны для транзита в Норвегию, а летом 1941 года нанесли удар по СССР на мурманском, кандалакшском и лоухском направлениях. Сеппянен обращает внимание на то, что еще в начале 2000 годов Финляндия выразила желание подготовить для НАТО список аэродромов и портов, которые она предоставит Альянсу «при необходимости». Тогда же НАТО положила финнам на стол список финских судов для морских перевозок, которые «при необходимости» должны были передаваться Альянсу [4].

Критики НАТО увидели в Меморандуме большую опасность. Бывший министр иностранных дел (1976–1977 гг.) профессор Кейю Корхонен назвал его «большим гвоздем, забитым в гроб независимости Финляндии». Обратив внимание общественности на отсутствие официального перевода документа на финский язык, Корхонен выделил его принципиальные моменты: отсутствие ограничений на количество иностранных войск, мест их дислокации, снабжение, вооружения, включая ядерные, право на транзит, что напомнило ему о транзитном договоре 1940 года, заключенном Финляндией с нацистской Германией [8; 18–19].

Член Партии независимости, ведущий блога «Инакомыслящий» Маури Нюгорд полагает, что согласно положениям Меморандума, прибывающие в Финляндию войска НАТО будут подчиняться командованию Альянса, что противоречит законам государства, прежде всего конституции. Меморандум также предусматривает полноценное применение в Финляндии доктрины НАТО, а принимающая сторона обязана принимать войска Альянса либо по взаимному согласию, либо в соответствии с односторонней декларацией НАТО, что нуллифицирует высказывания МИД страны о единоличном праве Финляндии приглашать войска Альянса для оказания ей помощи [8; 31–35].

Оценивая Меморандум, Нюгорд приходит к заключению, что договор заключался исключительно в интересах НАТО, так как Финляндия обязывается в соответствии с ним поддерживать операции, включая возможное нападение на Россию и удар по Санкт-Петербургу, что автоматически будет означать превращение ее территории в театр военных действий. Если это будет в интересах НАТО, Альянс может применить одно из положений доктрины о Помощи принимающей стороне не только без согласия правительства Финляндии, но и даже вопреки его воле. Нюгорд отмечает, что подписав Меморандум, НАТО стала господствовать на южном и северном побережье Финского залива, а Санкт-Петербург оказался «в глубоком мешке», что без сомнения, «будет принято во внимание военными стратегами в России». Для Финляндии наилучшим решением стал бы выход из договора [8; 35–37].

Нюгорд отвергает официальную позицию правительства Финляндии, заключающуюся в том, что парламент страны предварительно одобрил Меморандум, поскольку был ознакомлен с докладами о политике и обороне, подготовленными и разосланными всем депутатам Государственным советом с 2001 по 2012 год. Изучив эти доклады, он не нашел в них упоминаний ни о помощи принимающей стороне со стороны НАТО, ни и о перспективе подписания Меморандума о взаимопонимании, хотя в 2012 году заседал тот же состав парламента, что и во время подписания договора 4 сентября 2014 года. Мнение Нюгорда подтвердил в своем блоге 31 августа 2014 года бывший глава канцелярии Государственного совета Финляндии Ристо Воланен, заявивший о том, что ему не известно «об

обсуждении договора о помощи принимающей стороне, которое бы проводилось в правительственных кругах с мая 2003 по июнь 2010 года» [8; 39]. Из этого можно сделать вывод, что финское правительство сознательно вводило в заблуждение собственный народ.

Критики Меморандума считают, что высшие должностные лица государства должны быть привлечены к суду за нарушение конституции Финляндии. Процедура привлечения к ответственности высших должностных лиц за нарушение конституции, принятой в 2000 году, из-за отсутствия Конституционного суда в Финляндии сложна, и предполагает созыв так называемого Государственного суда, который могут инициировать конституционная комиссия парламента, назначаемый президентом республики канцлер юстиции и парламентский омбудсмен по вопросам юстиции. Нюгорд отмечает, что между ведущими политиками Финляндии и блюстителями законности по этому вопросу имеется «само собой разумеющееся взаимопонимание».

Правящая элита Финляндии, по всей видимости, понимала, что нарушает конституцию и может быть привлечена к суду, и по этой причине предприняла страховочные меры. Меморандум о взаимопонимании был подписан не членом правительства, министром обороны Финляндии Карлом Хагlundом, а командующим оборонительными силами Финляндии Ярмо Линдбергом, государственным чиновником более низкого ранга, незаконные действия которого не могут рассматриваться специальным Государственным судом. (За всю историю независимой Финляндии Государственный суд созывался всего 4 раза: в 1933, 1953, 1961 и 1993 году).

После 22 апреля 2015 года в адрес канцлера юстиции Яакко Йонкка поступило девять обращений с заявлением о совершаемых государственными деятелями Финляндии преступных деяниях, связанных с нарушениями конституции республики. Все они были отклонены канцлером на основании первого параграфа статьи 94 конституции, так как, по его мнению, парламент обсуждает и ратифицирует только межгосударственные, а не политические договоры. Канцлер обосновал свой отказ созвать Государственный суд еще и тем, что Меморандум не был зарегистрирован в ООН, что, по его мнению, снижало значимость договора. Обратив внимание на часть фразы параграфа статьи конституции – «или в ином виде имеют важное значение» [10], – Нюгорд задал вопрос: «какое другое решение за последние годы, если не считать Лиссабонский договор, имеет такое же значение для государства, как договор о Поддержке принимающей стороны»? [8; 40–41].

Значимость Меморандума, по мнению Нюгорда, заключается в том, что с точки зрения НАТО Финляндия практически является членом Альянса и его союзником; в свою очередь, оборонительная доктрина России определяет НАТО и его стремление к расширению как наибольшую угрозу, соответственно, подписав договор, Финляндия также стала представлять собой угрозу для России. Судьба Санкт-Петербурга, находящегося теперь «в окружении» диктует России необходимость так организовать оборону города, «чтобы избежать повторения его блокады».

Нюгорд считает, что Меморандум обязывает Финляндию «как минимум оказать поддержку войскам НАТО, если они нанесут удар по Санкт-Петербургу через территорию Финляндии», что, с точки зрения России легитимирует упреждающий ракетный удар по целям на финской территории. Кроме того, Меморандум нарушает действующий Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений (подписан 20 января 1992 года в г. Хельсинки). Поскольку Меморандум не зарегистрирован в ООН, Финляндия лишена права обращаться в международные суды или в ООН в случае, если НАТО будет толковать договор выгодным для себя образом. Меморандум также является нарушением программы правительства Финляндии, в которой говорилось об отсутствии планов подготовки членства в НАТО в период его полномочий, что было подтверждено и в резолюции комиссии по обороне финского парламента, не осведомленной о действиях правительства [8; 42–44].

Нюгорд обращает особое внимание на прямой обман парламента со стороны правительства еще в начале обсуждения положений протокола (Меморандума) о поддержке принимающей стороны, к которому Финляндия и НАТО приступили весной 2010 года, задолго до украинского кризиса. В меморандуме министерства обороны Финляндии, составленном 19 мая 2010 года для парламентской комиссии по обороне указывался предмет переговоров – только условия проведения учений сил НАТО на территории страны. Меморандум содержал положение о необходимости ратификации протокола в случае, если его положения будут касаться сферы законодательства. Нюгорд отмечает отсутствие у правительства полномочий, полученных у парламента, для подписания Меморандума, хотя проблема и обсуждалась в парламентских комиссиях, и указывает на необходимость предварительного выхода из договора об основах отношений с Россией, подписанного 20 января 1992 года, поскольку Меморандум нарушает его положения. На необходимость полноценного парламентского обсуждения указывают также профессор Пекка Висури и бывший министр юстиции и парламентский омбудсмен по вопросам

юстиции Якоб Сёдерман, обративший внимание на подчиненность войск НАТО, которые будут находиться на территории Финляндии, верховному командованию Альянса, а не национальному военному командованию, что, по его мнению, как минимум, требовало обсуждения в конституционной комиссии парламента [8; 48–49].

Нюгорд называет четыре причины спешки, с которой Меморандум был подписан: желание США создать угрозу для России в связи с украинскими событиями; завершающийся срок полномочий правительства правых в Швеции; предотвращение обсуждения этого вопроса в парламенте Финляндии, т.е. подписание договора до начала осенней парламентской сессии; желание финских политиков подписать Меморандум именно на саммите НАТО в Уэльсе, хотя это можно было сделать и в ходе обычной рабочей поездки командующего оборонительными силами Финляндии в Брюссель [8; 51–52].

Подведем итоги. Меморандум о взаимопонимании, подписанный 4 сентября 2014 года стал самой значительной вехой сближения Финляндии с НАТО с 1992 до 2017 года, он был подписан и вступил в силу с нарушением положений Конституции Финляндии, в экстраординарном порядке, без соблюдения обязательных в таких случаях демократических процедур. Содержание Меморандума позволяет НАТО, на практике США, в случае серьезного международного кризиса использовать территорию Финляндии и всю восточную Балтику в предшествующий войне период как плацдарм для ведения военных действий против Север-Западного федерального округа России, на мурманском, карельском и Санкт-Петербургском направлениях.

Работа выполнена в рамках подпроекта «Создание экспертно-аналитического бюллетеня Безопасность на Севере Европы: Россия – НАТО. Актуальная повестка» Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021 гг.

Список литературы

1. Eduskunta ryhmät. URL: <https://www.eduskunta.fi/FI/kansanedustajat/eduskuntaryhmat/Sivut/default.aspx>, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
2. Elo M. Onko isäntämaasopimus laillinen. URL: <https://vastavalkea.fi/2016/02/29/onko-isantamaasopimus-laillinen/>, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
3. Ervasti P. and Laakso J. Karhun naapurista Naton kainaloon – puolueettoman Suomen marssi läntisen sotilasliiton leiriin. Helsinki: WSOY, 2001.
4. Esko Seppäsen analyysi isäntämaasopimuksesta: suomen on palautettava liittoutumattomuutensa uskottavuus. URL: <https://www.kansanuutiset.fi/artikkeli/3669945-esko-seppasen-analyysi-isantamaasopimuksesta-suomen-on-palautettava-liittoutumattomuutensa-uskottavuus>, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
5. EVAn Arvo- ja asennetutkimuksen ennakkotieto: Nato-kannat muuttuneet myönteisemmiksi. 2016. URL: <http://www.eva.fi/blog/2015/02/03/evan-arvo-ja-asennetutkimuksen-ennakkotieto-nato-kannat-muuttuneet-myonteisemmiksi/>, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
6. Hägglund G. Rauhan utopia. Docendo, 2014.
7. Memorandum of understanding (MOU) between the government of the Republic of Finland and Headquarters, Supreme Allied Commander Transformation as well as Supreme Headquarters Allied Powers Europe regarding the provision of Host Nation Support for the execution of NATO operations / exercises / similar military activity https://www.finlex.fi/fi/sopimukset/sopsteksti/2014/20140082/20140082_2, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
8. Näin Suomea viedään. VS-kustannus, Alajärvi, 2015.
9. Partnership for Peace Planning and Review Process https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68277.htm#, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
10. Suomen perustuslaki // URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731>, свободный (Дата обращения 15.11.2017).
11. Tarkka J. Venäjän vieressä – Suomen turvallisuusilmasto 1990–2012 [Close to Russia – Finland’s Security Climate 1990–2012]. Helsinki: Otava, 2015.

Memorandum of Understanding on September 4, 2014 between NATO and Finland

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Keywords:

Finland
NATO
Memorandum of Understanding

Summary:

The article analyzes the Memorandum of Understanding signed on September 4, 2014 in Wales at the North Atlantic Alliance summit by the Finnish Defense Forces commander J. Lindberg and the Supreme Allied Commander of the Joint Armed Forces in Europe, General Ph. Breedlove, under which Finland (and Sweden) joined the alliance program Host Nation Support. The Memorandum became the most significant milestone of Finland's rapprochement with NATO from 1992 to 2017, it was signed and entered into force with violation of the provisions of the Constitution of Finland in an extraordinary manner. The content of the Memorandum allows NATO, in practice, the US, in the event of a serious international crisis, to use the territory of Finland and the entire eastern Baltic in the period preceding the war as a base for conducting military operations against the North-West Federal District of Russia, at the directions of Murmansk, Karelia and St. Petersburg.

УДК УДК 328.18

Особенности реализации государственной политики по поддержке моногородов в Республике Карелия (на примере г. Сегежи и пгт. Надвоицы)

ЦУМАРОВА
Елена
Юрьевна

*кандидат политических наук,
доцент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, tsumarova@gmail.com*

Ключевые слова:

Моногорода
политический курс
Карелия
Сегежа
Надвоицы

Аннотация:

Статья посвящена анализу механизмов государственной поддержки моногородов в Республике Карелия в контексте общероссийского политического курса. В рамках исследований политического курса деятельность Правительства Карелии рассматривается как реализация решений, принятых на федеральном уровне. Оценивается эффективность выбранных механизмов поддержки на примере Сегежи и Надвоиц.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

В конце августа 2017 года комиссия Министерства экономического развития России одобрила создание территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) в карельском городе Кондопога. Кондопога стала вторым городом в республике, получившим этот статус [13]. За год до этого ТОРом был объявлен поселок городского типа Надвоицы. Тогда же Правительство республики заявляло о планах получить статус ТОР для пяти монопрофильных муниципалитетов [7].

Данная статья посвящена анализу механизмов государственной поддержки моногородов в Республике Карелия в контексте реализации общероссийского политического курса. В первой части статьи будет представлена теоретическая рамка анализа, включающая краткое описание логики политического цикла и концепции моногорода. Во второй части будет дана общая характеристика ситуации с моногородами в Карелии, а также более детальное описание выбранных случаев для анализа. Наконец, в третьей части будут представлены основные результаты исследования.

Изучение механизмов государственной политики в отношении моногородов: теоретические аспекты

Классическое определение политики в русскоязычной политологической науке традиционно приписывается немецкому социологу Макс Веберу, который определял ее как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе заключает» [5; 645].

Однако такое понимание политики в большей степени описывает динамический характер политической жизни, политическую борьбу (politics), которая разворачивается вокруг распределения ренты, и практически не затрагивает процессуального характера политики, связанного с процессом принятия и реализации политических решений. Для анализа того, каким образом осуществляется политика в той или иной сфере общественной жизни, релевантным будет являться обращение к

политике в смысле политического курса (policy). Он понимается как «относительно стабильный, имеющий цель курс действий, которому следуют актор или ряд акторов при решении или при рассмотрении проблемы или интересующего вопроса» [1; 11–12].

Важным элементом политики, понимаемой в качестве политического курса, является ее связь с политическими запросами или требованиями «предпринимать или не предпринимать какие-либо действия для решения определенных проблем» [1; 13]. Политические запросы могут поступать от разных индивидуальных или групповых акторов (отдельных индивидов, представителей бизнес-структур, общественных организаций и пр.) и включать в себя как общие пожелания (например, решить вопрос с пробками на дорогах), так и конкретные ожидаемые результаты (например, предоставить налоговые льготы для молодых предпринимателей).

Именно в рамках анализа политического курса мы можем анализировать результаты политики (policy outputs), то есть конкретные меры, принятые для решения той или иной проблемы. Результаты политики как правило могут быть описаны в количественных показателях, таких как доля собранных налогов или сумма средств, выделенных для строительства социальных объектов, количество заключенных сделок с инвесторами или уровень заработной платы. При этом, однако, стоит различать результаты политики и последствия политики (policy outcomes), которые затрагивают общественное измерение политических решений [1; 15].

Таким образом, в данной статье политика будет рассматриваться как политический курс, то есть совокупность мер государства по регулированию той или иной общественной сферы.

Моногорода представляют собой один из примеров сферы государственного регулирования, которая связывается с процессом разработки и реализации политических решений. При этом само понятие моногородов является проблематичным. В исследовательской литературе не существует единственного конвенционального определения такого рода муниципальным образованиям.

Все существующие на данный момент определения моногородов условно могут быть подразделены на две группы: часть из них акцентирует внимание только на экономической составляющей, а вторая часть рассматривает моногорода в более широком социокультурном контексте.

Если обратиться к первой группе, то можно обнаружить ряд признаков, отличающих моногорода от других муниципальных образований. Прежде всего, моногородом признается городское поселение, в котором функционирует одно или несколько однотипных предприятий, которые имеют статус градообразующих. Такое минималистическое определение моногорода, в частности, встречается в докладе Всемирного банка, посвященного России.

Нормативные документы, регулирующие функционирование моногородов, предлагают более четкие количественные критерии. Так, Министерство регионального развития России в 2009–2014 годах относило к моногородам муниципальные образования, в которых (1) 25% экономически активного населения работает на одном предприятии; (2) 50% промышленного производства города сосредоточено на этом предприятии и (3) доходная часть бюджета муниципалитета на 30% формируется из отчислений предприятия [17].

Вторая группа определений моногородов во многом является развитием идеи зависимости такого рода муниципалитетов от градообразующих предприятий. Градообразующее предприятие оказывается не только главным источником доходов муниципалитета, но и ключевым звеном в обеспечении качества жизни поселения.

Так, наряду с уже упомянутыми видами зависимости, авторы выделяют энергетическую зависимость ЖКХ от поставок тепла и энергии, зависимость объектов городской социальной инфраструктуры, которая зачастую находится на балансе предприятия, экологическую зависимость, а также подчинение городской планировки особенностям производственной деятельности [10].

Таким образом, моногорода представляют собой особый тип муниципальных образований, успешное развитие которого тесным образом связано с успешным функционированием градообразующего предприятия или предприятий. При этом, как отмечает Н. Веселкова, характерной чертой моногородов является ожидания населения, что предприятие будет нести ответственность за благосостояние не только непосредственных работников, но и их семей, и жителей города в целом. В ответ на это существует обратные ожидания лояльности к предприятию как со стороны работников, так и всего населения. Кроме этого, для моногородов зачастую характерна удаленность от крупных населенных пунктов и, как следствие, некоторая замкнутость на предприятии [6].

Общая характеристика ситуации с моногородами в Карелии

Моногорода Карелии стали появляться в результате масштабной индустриализации, проводившейся в Советском Союзе в 20-е годы XX века. На территории моногородов проживает 23%

всего населения республики, градообразующие предприятия выпускают 80% всей промышленной продукции, а вклад моногородов в доходную базу консолидированного бюджета составляет 22% [19].

По данным Министерства экономического развития Республики Карелия на сегодняшний день на территории республики существует 11 монопрофильных муниципальных образований. При этом большинство моногородов (6) в соответствии с критериями Правительства РФ относятся к территориям с наиболее сложным социально-экономическим положением. Как правило, это города, деятельность градообразующего предприятия которых связана с лесной промышленностью (Кондопога, Питкяранта, Пудож, пгт. Муезерский). Более благоприятная ситуация складывается в городах с преобладанием добывающей и/или перерабатывающей промышленностью (Костомукша, Сегежа, Вяртсиля). Тем не менее, в целом ситуация в моногородах оценивается как достаточно тяжелая и нестабильная [9].

Данная статья посвящена анализу двух монопрофильных муниципальных образований Сегежского района: городу Сегежа и поселку городского типа Надвоицы. Выбор данных населенных пунктов обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, они различаются по отрасли деятельности градообразующего предприятия. Во-вторых, они относятся к разным группам моногородов, исходя из критериев, разработанных Правительством РФ. Наконец, в этих населенных пунктах были реализованы различные модели поддержки деятельности градообразующих предприятий.

В целом стоит отметить, что Сегежский район Карелии, на территории которого находятся выбранные моногорода, характеризуется достаточно низким уровнем диверсификации экономики. Ключевыми отраслями являются лесопромышленный комплекс и цветная металлургия – алюминиевая промышленность. В Сегеже расположены крупнейшие предприятия лесной промышленности (АО «Сегежский ЦБК», ООО «Сегежская упаковка», ООО «Сегежский ЛДК», ООО «Инвестлеспром – лесозаготовка»), а в Надвоицах – предприятие металлургического комплекса – ОАО «СУАЛ» филиал «НАЗ-СУАЛ». Данные предприятия выпускают 90% всей промышленной продукции района [21].

Низкий уровень диверсификации экономики, ее зависимость от деятельности градообразующих предприятий, влечет за собой негативные последствия в социальной сфере. Наиболее остро стоит проблема безработицы, а также оттока населения, прежде всего трудоспособного возраста. Так, по данным Администрации Сегежского района, за пять лет численность населения района сократилась на 16,3% [21]. В то же время ситуация с занятостью в моногородах также вызывает серьезное беспокойство. В более благополучной Сегеже численность занятых составляет 40,0% от общей численности населения города, в то время как в пгт. Надвоицы данный показатель ниже и составляет 35,8%. Рост безработицы связан в основном с сокращением работников на градообразующих предприятиях. В соответствии с отчетами Администрации района, за период 2009–2014 гг. численность занятых на предприятиях моногородов сократилась на 25%.

Очевидно, что перспективы развития моногородов зависят от характера взаимодействия между тремя ключевыми игроками: городом, бизнесом и государством в лице региональных властей. Их отношения могут носить прагматичный, партнерский характер, когда игроки совместно пытаются решить возникающие проблемы. И наоборот, предприятие может вести самостоятельную игру, ориентируясь исключительно на вопросы прибыли и эффективности [24]. Третий вариант развития ситуации предполагает патерналистские отношения города и предприятия, когда первый ожидает от последнего поддержки в обслуживании социальной инфраструктуры города [2].

С этой точки зрения ситуация в рассматриваемых моногородах находится ближе к третьему варианту. Долгое время Сегежский ЦБК принимал активное участие в развитии социальной сферы города. Так, на балансе предприятия находился бассейн, профилакторий. Комбинат участвовал в создании местного телевидения [14], поддерживает функционирование Северного колледжа, Дворца спорта [20]. До сих пор на территории комбината находится котельная, отапливающая город.

Местные и региональные власти неоднократно заявляли о необходимости преодоления зависимости моногородов от деятельности градообразующих предприятий, равно как и о необходимости модернизации последних [4]. После принятия Правительством РФ Постановления о перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации, а также разработки Единого перечня мер по поддержке моногородов, республиканские власти получили дополнительный стимул и возможности для реализации озвученных планов.

Спасая моногорода Карелии: инвесторы и ТОРы

Сегежу и Надвоицы можно рассматривать как модельные территории, демонстрирующие разные варианты реализации государственной политики по поддержке моногородов. При этом эффективность предпринятых мер также оказалась различной.

История Сегежского ЦБК и Надвоицкого завода в целом достаточно типична. Появившись на волне индустриализации и развития послевоенной промышленности, они довольно быстро стали лидерами в своих областях. Распад Советского Союза, разрыв технологических связей, отсутствие планов по производству продукции стали первым серьезным вызовом для руководства предприятий. В 1992 году Сегежский ЦБК был преобразован в ОАО «Сегежабумпром» с государственным участием, в 1996 году компания стала частью международного концерна Assi Domani Group, которая, однако, уже в 1998 году намеревалась закрывать предприятие. Лишь введение внешнего управления и последующее создание ОАО «Инвестлеспром» позволило на некоторое время разрешить ситуацию [12]. Похожим образом развивалась история НАЗа, который в 1993 году стал Открытым акционерным обществом, а в 2003 вошел в состав объединенной группы «Российский алюминий» (РУСАЛ) [11].

Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов и последовавший за ним спад промышленного производства вывел проблему моногородов на общероссийский уровень. Именно с этого момента Правительство РФ стало уделять механизмам поддержки моногородов особое внимание. Тогда же встал вопрос о возможном закрытии Надвоицкого завода, а также о значительном сокращении производства на Сегежском ЦБК. Именно эти события и стали отправной точкой к пересмотру позиции государства к моногородам.

Как известно, одним из ключевых механизмов поддержки моногородов является модернизация предприятия за счет привлеченных инвестиций [1]. Карельские власти неоднократно заявляли о готовности российских и иностранных инвесторов вкладывать средства в республику. Наиболее заметным примером реальных инвестиций стала покупка Сегежского ЦБК АФК «Система» осенью 2014 года. Именно с этого момента на предприятии стала проходить модернизация, началось наращивание производственных мощностей. Так, уже в августе 2015 года Segezha Group вошла в пятерку лучших лесопромышленных компаний России по итогам 2014 года [25]. На сегодняшний момент на градообразующем предприятии Сегежи производится масштабная модернизация, связанная с покупкой нового оборудования, повышением квалификации персонала. Пример Сегежи демонстрирует эффективность привлеченных инвестиций с точки зрения функционирования предприятия и обеспечения социальной стабильности.

Поселок городского типа Надвоицы оказался в менее благоприятных условиях. Как уже отмечалось, в марте 2013 года глава компании «Русский алюминий» Олег Дерипаска выступил с заявлением о закрытии небольших нерентабельных предприятий, в том числе Надвоицкого алюминиевого завода [26]. Подобный шаг поставил бы под угрозу существование Надвоиц как населенного пункта, так как именно НАЗ являлся основным источником рабочих мест. Руководство Карелии тогда обратилось к Президенту России с просьбой не допустить закрытия завода. После совещания, на котором присутствовал и О. Дерипаска, было принято решение о продолжении функционирования завода, а также о расширении направлений его работы [18].

Предпринятые меры позволили несколько снизить социальную напряженность в городе, однако не решили проблему полностью. Новыми механизмами воздействия на ситуацию республиканских властей стали проекты Фонда развития моногородов и создание территории опережающего развития. Надвоицы были первым населенным пунктом Карелии, который заключил договор о сотрудничестве с Фондом. В соответствии с отчетом Фонда развития моногородов за 2015 год, Надвоицкое городское поселение представило проекты развития промышленного парка, которые включали, например, создание завода по производству комплектов малоэтажного строительства с использованием технологии PENOSTEK ТМ, Проект производства радиаторов, проект производства пластиковой арматуры и производство топливных брикетов. Реализация проектов должна была способствовать созданию до 2020 года 484 рабочих мест и привлечению не менее 1965 млн. руб. инвестиций в экономику Надвоицкого городского поселения [15].

Тем не менее, промышленный парк в Надвоицах так и не функционирует, а сотрудничество с Фондом развития моногородов вызывает большие вопросы, в том числе у Счетной палаты РФ. Как отмечалось в отчете ведомства, из семи представителей от Карелии, обучавшихся в МШУ «Сколково» по программам Фонда, только двое имеют реальное отношение к Надвоицам [3].

19 сентября 2016 года было принято постановление Правительства Российской Федерации № 940 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Надвоицы». Ключевыми направлениями деятельности ТОСЭР определены производство текстильных изделий, готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, прочей неметаллической минеральной продукции, а также деятельность по предоставлению мест для временного проживания и по предоставлению продуктов питания и напитков [22]. Создание ТОСЭР рассматривалось как важный этап

в модернизации моногородов и социально-экономического развития территории [23].

На сегодняшний день единственным резидентом ТОСЭР «Надвоицы» является ООО «Русский радиатор», планирующий запустить производство в 2017 году. Как отметил Глава Республики Карелия А. О. Парфенчиков, проблема с привлечением резидентов связана, прежде всего, с близостью НАЗа, а, во-вторых, с логистикой. По мнению Главы Республики Карелия, необходимо расширять перечень допустимых видов деятельности для того, чтобы увеличить количество резидентов ТОСЭР [16].

Заключение

Государственная политика по поддержке моногородов формируется на федеральном уровне и преломляется на уровне региональном, где происходит адаптация разработанных механизмов к конкретным муниципальным образованиям. Республика Карелия представляет собой пример такой адаптации, реализуя различные механизмы поддержки кризисных моногородов. Наиболее яркими случаями при этом выступают город Сегежа и поселок городского типа Надвоицы.

В первом случае республиканские власти использовали механизм привлечения частного капитала, который оказался достаточно успешным с точки зрения модернизации предприятия и сохранения рабочих мест. В другом случае привлечение крупного бизнеса в лице «Русского алюминия» не сняло проблему социальной напряженности, а отчасти даже усугубило ее в 2009–2013 годах. После этого Правительство Карелии обратилось к вновь созданным в России механизмам поддержки монопрофильных муниципальных образований, в частности к проектам Фонда развития моногородов и ТОСЭР. Надвоицкое городское поселение активно участвует в проектах Фонда, стало первой в Карелии территорией опережающего развития, однако заметных результатов на сегодняшний день нет.

Анализ политики республиканской власти по отношению к моногородам демонстрирует две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, Правительство Карелии действует в полном соответствии с общероссийской логикой, используя те же механизмы поддержки моногородов. С другой стороны, наиболее успешные примеры связаны с привлечением частного капитала, которые позволяют модернизировать градообразующие предприятия и обеспечивать определенный уровень социальной стабильности, но которые при этом не ведут к экономическому развитию городов и республики в целом. Это связано с особенностями налоговой системы России, при которой крупные корпорации платят налоги только в регионе нахождения центрального офиса. Логика политического цикла вынуждает элиты вновь и вновь возвращаться к проблеме моногородов, однако эффективного решения в публичном пространстве на сегодняшний день так и не озвучивается.

Работа выполнена в рамках подпроекта «Публично-властное взаимодействие как ресурс развития муниципальных сообществ Республики Карелия» в рамках Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021 гг.

Список источников и литературы:

1. Андерсон Дж. Публичная политика: введение // Публичная политика: от теории к практике. СПб. 2008. С. 11-12.
2. Аналитический доклад по вопросам управления развитием моногородов. М., 2011. 42 с.
3. Бюджетные средства, выделенные Фонду развития моногород, значительно превышали реальные потребности. [Электронный ресурс] URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/29167, свободный. (Дата обращения 15.11.2017).
4. Важно выстроить эффективную программу дальнейшего развития карельских моногородов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2016/09/0922_20.html, свободный. (Дата обращения 20.11.2017).
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 643–706.
6. Веселкова Н., Пряникова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // *ТОPOS*. 2011. № 1. С. 208–224.
7. Власти Карелии планируют получить статус TOP для пяти моногородов [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4516378>, свободный. (Дата обращения 20.11.2017).
8. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/20160415>, свободный. (Дата обращения 15.11.2017).
9. Информация о монопрофильных муниципальных образованиях Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.karelia.ru/action/4872/>, свободный. (Дата обращения 05.12.2017).

10. Микрюков Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 2016. 163 с.
11. Надвоицкий алюминиевый завод [Электронный ресурс]. URL: <https://rusal.ru/about/45/>, свободный. (Дата обращения 05.12.2017).
12. О комбинате в городе Сегежа [Электронный ресурс]. URL: <http://old.scbk.ru/portal/content/view/8/28/>, свободный. (Дата обращения 05.12.2017).
13. Одобрили: Кондопога станет территорией опережающего развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://karel.mk.ru/articles/2017/08/14/odobrili-kondopoga-stanet-territoriey-operezhayushhego-razvitiya.html>, свободный. (Дата обращения 05.12.2017)
14. ОАО «Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/Complex/segeza04a.html#03>, свободный. (Дата обращения 15.11.2017).
15. Отчет о результатах деятельности некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» за 2016 год. [Электронный ресурс]. URL: http://www.frmrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=1, свободный. (Дата обращения 15.11.2017).
16. Парфенчиков объяснил, почему в промпарк Надвоицы не идут бизнесмены [Электронный ресурс]. URL: http://vesti.karelia.ru/news/parfenchikov_obyasnil_pochemu_v_prompark_nadvoicy_ne_idut_biznesmeny/, свободный. (Дата обращения 15.11.2017).
17. Постановление Правительства Российской Федерации № 709 от 29 июля 2014 г. «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68f6a0c7889b0a7.pdf>, свободный. (Дата обращения 11.11.2017).
18. Президент России утвердил предложения по развитию Надвоицкого алюминиевого завода [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2013/04/0430_09.html, свободный. (Дата обращения 15.11.2017).
19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2014 г. N 2563-р г. Москва Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие Республики Карелия на период до 2020 года" [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/12/22/karelia-site-dok.html>, свободный. (Дата обращения 05.12.2017).
20. Сегежа: в масштабе континента [Электронный ресурс]. URL: <http://rk.karelia.ru/special-projects/dostoyanie-respubliki/segezhschij-tsbk-dostoyanie/>, свободный. (Дата обращения 05.12.2017).
21. Стратегия социально-экономического развития Сегежского района до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: http://home.onego.ru/~segadmin/economy_strategia.htm, свободный. (Дата обращения 03.12.2017).
22. Территория опережающего развития «Надвоицы» [Электронный ресурс]. URL: <http://kareliainvest.ru/investitsionnyu-klimat-regiona/territoriya-operezhayushchego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-na-dvoitsy/>, свободный. (Дата обращения 03.12.2017).
23. TOP как спасение Карелии [Электронный ресурс]. URL: <https://stolicaonego.ru/analytics/353317/>, свободный. (Дата обращения 03.12.2017).
24. Формула оживления моногородов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3224939>, свободный. (Дата обращения 03.12.2017).
25. Целлюлозно-бумажный комбинат в городе Сегежа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scbk.ru/o-kombinate/>, свободный. (Дата обращения 03.12.2017).
26. US RUSAL закрывает заводы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/08/19/uc-rusal-zakryvaet-zavody>, свободный. (Дата обращения 03.12.2017).

References

1. Anderson J. Public policy: introduction // *Public policy: from theory to practice*. SPb. 2008. P. 11–34.
2. Analytical report on development management of monotowns [Analiticheskiy doklad po voprosam upravleniya razvitiem monogorodov]. М., 2011. 42 p.
3. The budgetary funds allocated to the Mono-town Foundation were significantly higher than the real needs [Budzhethnye sredstva, vydelennye Fondu razvitiya monogorodov, znachitel'no prevyshali real'nye potrebnosti] [Electronic resource] URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/29167 (assessed 15.11.2017).
4. It is important to build an effective program for the further development of the Karelian single-industry towns [Vazhno vystroit' effektivnyuyu programmu dal'neyshego razvitiya karelskikh monogorodov]. [Electronic resource]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2016/09/0922_20.html (accessed 20.11.2017).
5. Weber M. Politics as a vocation and profession [Politika kak prizvanie i professiya] // *Selected works*. М.:

- Progress. 1990. P. 643-706.
6. Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshev M. Monotown: dilemmas of space construction [Monogorod: dilemmy konstruirovaniya prostranstva] // *TOPOS*. 2011. № 1. P. 208-224.
 7. The authorities of Karelia are planning to obtain the status of TOP for five monocities [Vlasti Karelii planiruyut poluchit' status TOR dlya pyati monogorov]. [Electronic resource]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4516378> (accessed 20.08.2017).
 8. A unified list of measures to support single-industry municipal entities of the Russian Federation (monotowns) [Edinyy perechen' mer podderzhki monopofil'nykh municipal'nykh obrazovaniy (monogorodov)] [Electronic resource]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/20160415> (accessed 15.08.2017).
 9. Information on single-profile municipalities of the Republic of Karelia [Informatsiya o monopofilnykh munitsipal'nykh obrazovaniyakh Respubliki Kareliya] [Electronic resource]. URL: <http://economy.karelia.ru/action/4872/> (accessed 05.12.2017).
 10. Mikryukov N. Factors, problems and models of monotown's development in Russia [Factory, problemy i modeli razvitiya monogorodov Rossii]. Dissertation for PhD in geographical sciences. M. 2016. 163 p.
 11. Nadvoitsky aluminum factory [Nadvoitskiy alyuminievyy zavod]. [Electronic resource]. URL: <https://rusal.ru/about/45/> (accessed 5.12.2017).
 12. About the plant in the town of Segezha [O kombinat v gorode Segezha]. [Electronic resource]. URL: <http://old.scbk.ru/portal/content/view/8/28/> (accessed 05.12.2017).
 13. Approved: Kondopoga will become a territory of advanced development. [Odobrili: Kondopoga stanet territoriyey operezhayuschego razvitiya]. [Electronic resource]. URL: <http://karel.mk.ru/articles/2017/08/14/odobrili-kondopoga-stanet-territoriye-operezhayushhego-razvitiya.html> (accessed 05.12.2017).
 14. OJSC "Segezha Pulp and Paper Mill" [OAO «Segezhskiy tsellyulozno-bumazhnyy kombinat»]. [Electronic resource]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/Complex/segeza04a.html#03> (accessed 15.11.2017).
 15. Report on the results of activities of a non-profit organization «Monotowns development fund» for 2016 year [Otchet o rezul'tatakh deyatel'nosti nekommercheskoy organizatsii «Fond razvitiya monogorodov» za 2016 god]. [Electronic resource]. URL: http://www.frmrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=1 (accessed 15.08.2017).
 16. Parfenchikov explained why businessmen do not go to the industrial park of Nadvoitsa [Parfenchikov ob'yasn timer, pochemu v prompark Nadvoitsyi ne idut biznesmeny]. [Electronic resource]. URL: http://vesti.karelia.ru/news/parfenchikov_obyasnil_pochemu_v_prompark_nadvoicy_ne_idut_biznesmeny/ (accessed 15.11.2017).
 17. Resolution of the Government of the Russian Federation № 709 of July 29, 2014 "On the criteria for classifying municipal entities of the Russian Federation as mono-profile (monotowns) and categories of single-profile municipal entities of the Russian Federation (monotowns), depending on the risks of deteriorating their socioeconomic status" [Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 709 ot 29 iyulya 2014 "O kriteriyakh otneseniya munitsipal'nykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii k monopofil'nykh (monogorodam) i kategoriyakh monopofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii v zavisimosti ot riskov ukhudsheniya ikh social'no-ekonomicheskogo polozheniya"] [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68f6a0c7889b0a7.pdf>, (accessed 11.11.2017).
 18. Russian President approved the proposals for the development of the Nadvoitsky aluminum plant [Prezident Rossii utverdil predlozheniya po razvitiyu Nadvoitskogo alyuminievogo zavoda]. [Electronic resource]. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2013/04/0430_09.html (accessed 15.08.2017).
 19. Decree of the Government of the Russian Federation of December 16, 2014 No. 2563-r Moscow On the approval of the Concept of the federal target program "Development of the Republic of Karelia for the period until 2020" [Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 16 dekabrya 2014 g. N 2563-r g. Moskva Ob utverzhdenii Kontseptsii federal'noy tselevoy programmy "Razvitie Respubliki Kareliya na period do 2020 goda"]. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2014/12/22/karelia-site-dok.html> (accessed 05.12.2017).
 20. Segezha: on a continental scale [Segezha: v masshtabe kontinenta]. [Electronic resource]. URL: <http://rk.karelia.ru/special-projects/dostoyanie-respubliki/segezhskiy-tsbk-dostoyanie/> (accessed 05.12.2017).
 21. Strategy of social and economic development of Segezha district until 2020. [Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Segezhskogo rayona do 2020 goda]. [Electronic resource]. URL: http://home.onego.ru/~segadmin/economy_strategia.htm (accessed 03.12.2017).
 22. The Territory of Advanced Development "Nadvoitsy" [Territoriya operezhayuschego razvitiya «Nadvoitsyi»]. [Electronic resource]. URL: <http://kareliainvest.ru/investitsionnyy-klimat-regiona/territoriya-operezhayushchego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-nadvoitsyi/> (accessed 09.12.2017).
 23. TOP as a salvation of Karelia [TOR kak spasenie Karelii]. [Electronic resource]. URL: <https://stolicaonego.ru/analytics/353317/> (accessed 03.12.2017).
 24. The formula for the revival of single-industry towns [Formula ozhivleniya monogorodov]. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3224939> (accessed 3.12.2017).
 25. Pulp and paper mill in the city of Segezha [Tsellyulozno-bumazhnyy kombinat v gorode Segezha]. [Electronic resource]. URL: <http://www.scbk.ru/o-kombinate/> (accessed 03.12.2017).
 26. US RUSAL closes the plants [US RUSAL zakryivaet zavody]. [Electronic resource]. URL:

Цумарова Е. Ю. Особенности реализации государственной политики по поддержке моногородов в Республике Карелия (на примере г. Сегежи и пгт. Надвоицы) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 2. С. 16–23.

<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/08/19/uc-rusal-zakryvaet-zavody> (accessed 03.12.2017).

[1] <https://stolicaonego.ru/analytics/353317/>

Features of implementation of monocities support policy in the Republic of Karelia (cases of Segezha and Nadvoitsy)

TSUMAROVA
Elena

*PhD in Political Science,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Department of World
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk, Russia, tsumarova@gmail.com*

Keywords:

Single-industry towns
political course
Karelia
Segezha
Nadvoitsy

Summary:

The article is devoted to the analysis of mechanisms of state support of single-industry towns in the Republic of Karelia in the context of the all-Russian political course. In the framework of studies of the political course, the activities of the Government of Karelia are seen as the implementation of decisions taken at the federal level. The effectiveness of the selected support mechanisms is assessed on the example of Segezha and Nadvoitsy.

УДК 327.36

Особенности подхода финских организаций в защиту мира к деятельности НАТО

**СМИРНОВА
Александра
Александровна**

*младший научный сотрудник,
Петрозаводский государственный университет,
Управление научных исследований,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

Ключевые слова:

Финляндия
НАТО
организации в защиту мира
движения за мир
Финский союз мира
Финский комитет мира
Комитет сотни

Аннотация:

Современная мировая политика предполагает активное участие глобального гражданского общества в решении международных проблем. В статье изучаются особые акторы международных отношений – организации в защиту мира. На основе анализа литературы и проведенных интервью рассматриваются ключевые трансформации финских организаций в защиту мира в период с 1980-х гг. по настоящее время, а также особенности подхода активистов к проблематике НАТО. Этот подход частично отражает динамику взаимоотношений внутри миротворческого движения и отличается критической направленностью. В то же время, проблематика НАТО не является основной в деятельности этих организаций, поскольку на первое место выходят проблемы распространения оружия, милитаризма, разрешения конфликтов и защиты окружающей среды.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

Процесс глобализации и трансформация системы международных отношений во второй половине XX века привели к усилению роли негосударственных акторов и к появлению понятия «глобальное гражданское общество». Это заставило исследователей обратить внимание на потенциал неправительственных организаций и общественных движений, в частности, их способность вызывать положительные изменения в мировой политике [5, 6, 10]. На сегодняшний день данная проблема не теряет актуальности в связи с необходимостью урегулирования международных кризисов, нахождения новых методов разрешения конфликтов и способов обеспечения мира. Деятельность общественных организаций сегодня рассматривается как один из инструментов решения этих важных глобальных проблем. Неслучайно в 2017 году Нобелевская премия мира была присуждена международной кампании по запрещению ядерного оружия (ICAN).

В центре внимания данной статьи находится деятельность финских организаций в защиту мира, их способность содействовать общественному прогрессу и минимизации насилия на всех социальных уровнях, а также проведению более «мирной» внешней политики Финляндии. Специфика этих организаций рассматривается на примере их отношения к действиям Североатлантического альянса в период с 1980-х годов по настоящее время.

Данное исследование содержит анализ научной и публицистической литературы и

информационных источников, а также результаты интервьюирования восьми представителей организаций в защиту мира, которые были активны в изучаемый временной период. В исследовании участвовали представители таких организаций как Финский союз мира (Suomen Rauhanliitto), Финский комитет мира (Suomen Rauhanpuolustajat), Комитет сотни (Sadankomitea) и общественное движение «Женщины за мир». Интервьюирование проводилось автором данной статьи в период с мая по июль 2017 года.

Следует заметить, что в данной статье международный термин «peace organization» переводится как «организация в защиту мира», «организация, борющаяся за мир» и «мирная организация», данные термины являются взаимозаменяемыми. При этом перевод на русский язык накладывает определенные ограничения. Так, термин «мирная организация» не является общепринятым и благозвучным, формулировка «организация, борющаяся за мир» не является распространённой, а также может быть непонятна из-за многозначности слова «мир» в русском языке. Несмотря на то, что «организация в защиту мира» является устоявшимся вариантом обозначения этого явления, следует заметить, что данный термин несет в себе существенный консервативный аспект, который противоречит современному представлению о мире как о процессе построения гармоничных отношений и ликвидации насилия всех типов [4].

В начале 1980-х годов произошел новый виток гонки вооружений, что привело к мобилизации движения за построение мира в странах Европы, включая Финляндию. Как писал Дж. Глепстэд, в это время в североевропейских странах произошел беспрецедентный рост движения за мир. В таких странах НАТО как Норвегия и Дания появились отдельные организации и движения в ответ на планы НАТО по размещению ракет средней дальности Першинг-2 в Европе, а также на советское размещение ракет средней дальности «Пионер». Отчасти на мобилизацию повлияло и советское вторжение в Афганистан [3;10–12].

Именно антиядерная проблематика стала доминирующей в этот период в Финляндии и других европейских странах. В 1981 году вновь стала популярной идея создания Североевропейской безъядерной зоны (NWFZ), в разработке которой еще в начале 1960-х гг. принял участие президент У. Кекконен. В 1982 году проводился сбор подписей, в рамках которого в Финляндии 1,2 миллиона человек поддержали создание безъядерной зоны. В 1981 году в 54 городах Финляндии были организованы одновременные демонстрации, призывающие к созданию Североевропейской безъядерной зоны и запрету на ядерное оружие в Европе. Всего в демонстрации приняли участие 130 тысяч человек, что говорило о серьезной озабоченности граждан по поводу возможной ядерной войны [3; 10–11].

Несмотря на то, что антиядерная проблематика была доминирующей в этот период, активистов также интересовали такие вопросы как образование в духе мира, альтернативные концепции обороны, расходы на обычное вооружение, альтернативные виды службы и легализация отказа от нее, а также транспарентность политики безопасности.

Одним из самых ярких событий этого периода стали международные антиядерные марши, организованные женским движением североевропейских стран. В 1981 году прошел первый марш из Копенгагена в Париж, его главными лозунгами стали «никакого ядерного оружия на Востоке и Западе!» и «Используем военные расходы на еду!». Т. Эклунд, известная активистка и участница марша вспоминает, что, несмотря на то, что в этом марше не было лозунгов против НАТО, пресса осветила марш как «антинатовский» [9]. Активистки столкнулись с резкой критикой, призывающей их идти «на Восток», что они и сделали через год, в 1982 году. Слоганами марша были «Нет ядерному оружию в Европе – на Востоке и Западе! Нет ядерному оружию в мире! За разоружение и мир!» [3; 13].

Марш «Стокгольм – Москва – Минск» был организован совместно с Советским комитетом защиты мира. Известно, что деятельность этой организации была направлена на критику американской внешней политики и борьбу с ядерным оружием. Советским комитетом было организовано большое количество мероприятий, но, как отмечает Т. Эклунд, активистки много общались с обычными гражданами [9].

Помимо женского движения, антиядерные митинги и мероприятия организовывали и представители молодежных организаций. Так летом 1981 года был организован велосипедный пробег в Тронхейм, где прошел фестиваль против американских планов по размещению ядерного оружия в Норвегии. В 1982 году был проведен очередной марш, в котором принимало участие уже жители 80–90 финских городов. В мае 1983 года был организован карнавал «Весна мира и надежды» (Rauhan ja toivon kevät), а также прошла акция в поддержку мира и протеста против ядерной войны, в рамках которой активисты соединили посольства «живой цепью». По мнению одного из респондентов, именно в начале 1980-х годов Финляндия стала не только частью европейского антиядерного движения, но и одним из

его лидеров. При этом организаторы стремились к «деполитизации» мероприятий для того, чтобы привлечь максимальное количество участников (респондент 1). Один из организаторов мероприятий отмечает, что развитию антиядерного активизма способствовало отсутствие оппозиции со стороны руководства страны, а также соответствие курсу президента У. Кекконена (респондент 1).

Поскольку подавляющее большинство лозунгов касалось недопустимости размещения ракетных установок в Европе, демонстрантов обвиняли в чрезмерной критике НАТО и недостаточном внимании к деятельности СССР. Диссидент В. Буковский в работе «Пацифисты против мира» даже предположил, что европейские антиядерные и мирные марши были результатом советской пропаганды, проводимой Комитетом защиты мира со времен правления И. В. Сталина, в которую в 1980-х годов поверили пацифисты [1]. Мирные организации также обвинялись в Финляндии в чрезмерной лояльности к Советскому Союзу и тайном финансировании со стороны Всемирного совета мира (респонденты 2, 4).

В это время и до конца холодной войны само миротворческое движение было разделено на две фракции, представленные «просоветскими» и «проевропейскими» организациями. «Проевропейский» блок организаций был, прежде всего, представлен Финским союзом мира и Комитетом сотни. Эти организации активно сотрудничали с ведущими западноевропейскими мирными организациями и принимали участие в Европейской кампании за ядерное разоружение (END). Представители этого направления выступали против ядерного оружия, гонки вооружений, военного призыва, а также за образование в духе мира. Данное направление рассматривалась другой половиной финского миротворческого движения как недостаточно объективное по отношению к СССР (респондент 1).

«Просоветское» направление было представлено Финским комитетом мира (или «Защитниками мира»), в состав которого также входили профессиональные и молодежные объединения, ориентированные на построение диалога с советскими организациями. «Защитники мира» входили во Всемирный совет мира. Деятельность этой организации была направлена на противодействие ядерному оружию, создание в Северной Европе безъядерной зоны, информирование общественности и образование в духе мира. Согласно одному из респондентов, несмотря на то, что у «защитников мира» были связи с организациями в Советском Союзе и в других социалистических странах, эти организации не могли повлиять на политику своих стран (респондент 2). Представители данной организации обвинялись участниками миротворческого движения в чрезмерной критике НАТО и распространении пропаганды СССР, а также в недостаточной поддержке одностороннего разоружения (респондент 2), [3; 14]). Один из респондентов допускает, что советские сотрудники Всемирного совета мира, штаб-квартира которого располагалась в Хельсинки, могли использовать уже существовавшие антинатовские настроения среди финнов на свою пользу. Однако он отмечает, что, в целом, советское влияние на финских активистов было незначительным (респондент 1). Точкой соприкосновения обоих блоков была критика милитаризации западных государств.

После окончания холодной войны организации в защиту мира претерпели изменения. Комитет защиты мира отошел от многоуровневой структуры и стал объединением граждан, которых в настоящее время насчитывается около 2 000. В центре внимания этой организации сегодня находятся проблемы гонки вооружений и ядерного оружия, архитектура европейской безопасности, построение добрососедских отношений с Россией, вопросы изменения климата, а также противодействие милитаризму. Для донесения своих идей организация выпускает журнал «Rauhan Puolesta».[1]

На сегодняшний день у Союза мира следующие приоритеты: содействие разоружению, образование в духе мира (см. подробнее [2]), международное сотрудничество в целях мира, а также акцентирование внимания на человеческом измерении безопасности. Организация несколько раз в год выпускает журнал «Рах».[2]

Современная деятельность финских мирных организаций разнообразна, она включает разъяснительную работу, организацию встреч, семинаров и тренингов, реализацию международных проектов, образование в духе мира, консультирование правительства в рамках своей компетенции, а также организацию митингов и акций протеста и многие другие мероприятия. Борьбой за мир занимаются как светские, так и религиозные организации (например, «Христианский мир» – Suomen Kristillinen Rauhanliike).

В последние 20–30 лет произошли следующие изменения в деятельности финских организаций, борющихся за мир:

- институционализация: 14 организаций объединились в Финский Союз мира, единую зонтичную организацию; четыре арендуют общее здание – «Станцию мира» (Rauhanasema[3]). Двумя

- крупнейшими организациями остаются Комитет мира и Финский союз мира, наряду с ними действуют автономные небольшие организации, такие как художники за мир (PAND). Совместные проекты и заявления увеличивают вес организаций и упрощают сбор средств (респонденты 4, 3);
- образование секретариатов и профессионализации борьбы за мир. Несмотря на то, что большую часть работы по-прежнему выполняют волонтеры, в организациях появились сотрудники, получающие зарплату за повседневную работу;
 - увеличение доли государственного финансирования. Большая часть финансирования в последние десятилетия исходила из Министерства образования и культуры. При этом представители мирных организаций говорят о возникающих трудностях в получении финансирования при общем снижении поддержки НКО (респонденты 3, 4, 8);
 - частичный отказ от политической повестки с целью привлечения большего числа сторонников. На это, к примеру, направлено обучение молодежи трансформации конфликтов в рамках «Школы мира» (см. [2]);
 - деление движения за мир на две возрастные группы с отличающимися подходами и методами борьбы за мир. Если старшее поколение предпочитало демонстрации и протестную деятельность, то современная молодежь более активна в донесении своих идей через публикации в СМИ, социальные сети и флешмобы. Наиболее популярной организацией в социальных сетях является Комитет сотни (более 4 500 подписчиков в сети «Фейсбук» и более 2 600 – в «Твиттере» по состоянию на конец 2017 года).

В связи со сменой поколений в миротворческом движении особую актуальность приобретает привлечение молодежи. Говоря о специфике работы современных организаций, один из респондентов отмечает, что сегодня люди больше заинтересованы в конкретных проектах, нежели в абстрактной борьбе за мир. Все меньшее количество согласно говорить о себе как об «активном участнике движения за мир» (респондент 3). Представители организаций в защиту мира связывают это как с современной культурой молодежи, в рамках которой не принято быть членом организации (респондент 5), а также с распространенностью негативных предрассудков. По их мнению, молодежь может демотивировать стереотип о радикализме борцов за мир, а также история влияния СССР (респонденты 3 и 6).

Говоря о современной роли НАТО в деятельности мирных организаций, ряд респондентов отмечает, что, несмотря на военную мощь стран Альянса, это направление не является приоритетной (респонденты 3, 4, 6, 8). Даются следующие объяснения: «НАТО не является большим врагом... Если оценивать ее деятельность, организация решает очень немногий круг проблем, поскольку объединяет слишком много стран. НАТО не является ключевым игроком на международной арене. К примеру, если США нужно напасть на Ирак, они создают для этого отдельную коалицию» (респондент 4).

Представители Союза мира отмечают, что их организацию больше волнуют такие проблемы как разоружение, участие Финляндии в торговле оружием и политика безопасности. Схожей позиции сегодня придерживается Комитет мира. При этом они выступают против участия Финляндии в каких-либо военных альянсах.

В то же время отмечается, что поворот руководства страны в сторону НАТО требует реакции от организаций, борющихся за мир (респонденты 3, 4, 6). Таким образом, если долгое время дебаты о членстве Финляндии в этой организации были безосновательны, то актуальность обсуждения этой темы возросла, когда в 2016 году министерство иностранных дел Финляндии опубликовало доклад, оценивающий возможные последствия от вступления в НАТО [8] (респондент 3). Говоря о современном политическом дискурсе и поддержке членства в НАТО со стороны финских политиков и военных, один респондент замечает: «удивительно, что одни и те же люди намерены как вступить в НАТО, так и усиливать обороноспособность ЕС» (респондент 4). В то же время респонденты подчеркивают, что большинство финских граждан не хотят вступления в НАТО (респонденты 4, 5, 8).

Они также приводят свои аргументы против вхождения в состав Альянса: «Финляндия станет полем военной игры, что усугубит ситуацию, сложившуюся после подписания меморандума о взаимопонимании в качестве "страны-хозяйки"» (респондент 8), «несмотря на то, что мы близки в наших технологиях к НАТО, вступление будет такой же значимой трансформацией как превращение воды в лед»; «мы не хотим, чтобы Финляндия стала членом НАТО, потому что Финляндия и без этого милитаризованная страна», «снизятся расходы на международную медиацию и управление кризисами» (респондент 3). «Вступление в НАТО не усилит безопасность граждан», «данная организация не является демократической», поэтому «лучше самим принимать важные решения, а не делегировать их НАТО» (респондент 5). «Эта организация представляет угрозу для России, к тому же, она требует крайне больших расходов», а «дополнительное оружие не обеспечит нам большую безопасность» (респондент 7).

Следует заметить, что, как и 35 лет назад, критика деятельности НАТО в Северной Европе

заставляет противников финских мирных организаций обвинять их в лицемерии и чрезмерной лояльности к России (респондент 3). При этом дилемма «критики всех» или «критики только своей стороны» является одной из ключевых в миротворческом движении [7]. Финские организации стремятся к поиску баланса между данными двумя позициями, поскольку они заинтересованы как в следовании своим принципам, так и в построении конструктивных российско-финляндских отношений.

Подводя итог, следует сказать, что на сегодняшний день финское движение за мир является немногочисленным, а его основу составляют организации в защиту мира, чья деятельность значительно трансформировалась в последние несколько десятилетий. Несмотря на то, что в современный период финские мирные организации по-разному представляют мир и методы его достижения, все они критически относятся к деятельности Североатлантического альянса (впрочем, как и к деятельности любых других военных акторов). При этом, НАТО, с одной стороны, представляется как сильная организация, обладающая беспрецедентной военной мощью, с другой стороны, как недостаточно эффективная на международной арене. Именно поэтому в понимании представленных организаций в качестве угроз выступает не столько деятельность НАТО, сколько аспекты, с ней связанные: милитаризм, распространение оружия, наличие продолжительных конфликтов и проблемы загрязнения окружающей среды.

Работа выполнена в рамках подпроекта «Создание экспертно-аналитического бюллетеня Безопасность на Севере Европы: Россия – НАТО. Актуальная повестка» Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021 гг.

Список литературы:

1. Буковский В. Пацифисты против мира. Париж: La presse libre. 1982. 104 с.
2. Смирнова А. А. Проблематика мира и разрешения конфликтов в системе образования и работе с молодежью в Финляндии // StudArctic forum. Выпуск 3 (7), 2017 [электронный ресурс]. URL: <http://saf.petrus.ru/journal/article.php?id=2222>. (Дата обращения 16.12.2017).
3. Grepstad J. Peace Movement in the Nordic Countries // International Peace Research Newsletter. 1982. Vol. 10, No. 10. P. 10–15.
4. Lederach J. P. Building Peace: Sustainable reconciliation in divided societies. Washington D. C.: United States Institute of Peace Press. 1998. 208 p.
5. Mann L. Protest movements as a source of social change // Australian Psychologist. 1993. 28:2. P. 69–73.
6. Roots C. A. Theory of Social Movements: Theory for Social Movements? // Philosophy and Social Action 16(4) 1990: P. 5–17.
7. Spencer M. Debates Within the Peace Movement // Canadian Woman Studies. 1988. Vol. 9. No. 1. P. 23–25.
8. The effects of Finland's possible NATO membership / Ministry of Foreign Affairs (29.04.2016). [Electronic resource]. URL: <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentid=345685> (accessed 16.12.17).
9. Trine Eklund: Nordic Women's Peace Marches - A Personal Account // YouTube. 31 января 2013 г. [Видеозапись интервью]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZrF9WxGJBhM> (accessed 15.12.2017).
10. Wilson M., Davies D. R., Murdie A. The view from the bottom: Networks of conflict resolution organizations and international peace // Journal of Peace Research. 2016. Vol. 53(3). P. 442–458.

References:

1. Bukovskiy V. Pacifists Against Peace [Patsifisty protiv mira] Paris: La presse libre. 1982. 104 p.
2. Smirnova A. Issues of peace and conflict resolution in the education system and youth work in Finland [Problematika mira i razresheniya konfliktov v sisteme obrazovaniya i rabote s molodezh'yu v Finlyandii] // StudArctic forum. 2017. № 3 (7) [Electronic resource]. URL: <http://saf.petrus.ru/journal/article.php?id=2222> (accessed 16.12.2017).
3. Grepstad J. Peace Movement in the Nordic Countries // International Peace Research Newsletter. 1982. Vol. 10, No. 10. P. 10–15.
4. Lederach J. P. Building Peace: Sustainable reconciliation in divided societies. Washington D. C.: United States Institute of Peace Press. 1998. 208 p.
5. Mann L. Protest movements as a source of social change // Australian Psychologist. 1993. 28:2. P. 69–73.
6. Roots C. A. Theory of Social Movements: Theory for Social Movements? // Philosophy and Social Action 16(4) 1990: P. 5–17.

7. Spencer M. Debates Within the Peace Movement // *Canadian Woman Studies*. 1988. Vol. 9. No. 1. P. 23–25.
8. The effects of Finland's possible NATO membership / Ministry of Foreign Affairs (29.04.2016). [Electronic resource]. URL: <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentid=345685> (accessed 16.12.17).
9. Trine Eklund: Nordic Women's Peace Marches - A Personal Account// YouTube. 31 января 2013 г. [Interview video]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZrF9WxGJBhM> (accessed 15.12.2017).
10. Wilson M., Davies D. R., Murdie A. The view from the bottom: Networks of conflict resolution organizations and international peace // *Journal of Peace Research*. 2016. Vol. 53(3). P. 442–458.

[1] <https://www.rauhanpuolustajat.org>

[2] <http://pax.fi/>

[3] <http://www.rauhanasema.fi>

Peculiarities of Finnish peace organizations' approach to NATO activities

**SMIRNOVA
Alexandra**

*junior researcher,
Petrozavodsk State University, Directorate for Academic
and Scientific Research,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com*

Keywords:

Finland
NATO
peace organizations
peace movements
Peace Union of Finland
Finnish Peace Committee
Committee of the 100

Summary:

Contemporary world politics demand global civil society's active participation in solving international problems. This article examines peace organizations as specific actors of international relations. Major transformations of Finnish peace organizations as well as activists' approach to the NATO problematics in the period between the 1980s and present time is analyzed on the basis of literature and interviews conducted. The approach of Finnish peace organizations partially reflects the dynamics of internal interaction of the peace movement and is characterized by its critical stance towards NATO. At the same time, NATO issues are not the top priority of these organizations, as their primary concern is with such issues as weapons proliferation, militarism, conflict resolution and environmental protection.

УДК 332.12

Территории опережающего социально-экономического развития как новая организационная форма развития региона (на примере Республики Карелия)

ЛАРЧЕНКО
Ольга
Викторовна

*старший преподаватель,
Петрозаводский государственный университет,
Институт экономики и права, кафедра экономики,
бухгалтерского учета, анализа, аудита и финансов,
Петрозаводск, Россия, @*

Ключевые слова:

свободные экономические зоны
особые экономические зоны
территории опережающего
развития
моногорода
«точки роста»

Аннотация:

В настоящее время происходят изменения в пространственном развитии территории Российской Федерации. Новым институтом призваны стать территории опережающего социально-экономического развития. Цель данной статьи – показать какое место занимают территории опережающего социально-экономического развития в решении проблем региона. Рассматриваются различные институты развития территорий: свободные экономические зоны, особые экономические зоны, зоны территориального развития. Приводятся данные о деятельности особых экономических зон в Российской Федерации. Указаны отличия территорий опережающего социально-экономического развития от особых экономических зон. Основное внимание уделено созданию территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах. Представлена информация о количестве моногородов и их категориях. Региональный аспект проблемы рассматривается на примере Республики Карелия. Обосновывается необходимость создания территорий опережающего социально-экономического развития в республике, приводятся требования, предъявляемые к резидентам, условия привлечения резидентов на эти территории. В заключении делается вывод о возможном участии территорий опережающего социально-экономического развития в обеспечении диверсификации экономики региона.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

В мировой практике используются различные институты развития территорий. Они могут иметь разные наименования и перечень конкретных условий, при которых создаются: беспошлинные зоны, свободные порты, зоны свободного предпринимательства, технопарки и т.д. Общими условиями функционирования всех этих экономических зон являются создание инфраструктуры, предоставление налоговых и таможенных преференций, снижение административных барьеров.

В Российской Федерации попытки создания территорий с особым статусом предпринимались еще

в 1990-е годы. Так, в середине 1990-х годов были созданы свободные экономические зоны (СЭЗ), которые представляли собой ограниченный участок территории Российской Федерации с установлением особого режима предпринимательской деятельности, включая беспошлинный порядок ввоза товаров в свободную экономическую зону, налоговые льготы и льготы в сфере валютного регулирования. Целями создания свободных экономических зон были развитие экспортного потенциала, увеличение поступлений в Российскую Федерацию валютной выручки от экспорта товаров, активизация внешнеэкономических связей, экономического и социального развития Российской Федерации и ее отдельных регионов. В настоящее время функционирует только одна свободная экономическая зона в Находке.

С 2005 года в Российской Федерации стали создаваться особые экономические зоны (ОЭЗ) в соответствии с федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» с целью индустриально-инновационного развития предприятий, отраслей и территориально-промышленных комплексов. В Российской Федерации создавались зоны четырех типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые. В настоящее время на территории Российской Федерации функционируют 16 особых экономических зон: семь промышленно-производственного типа, 5 – технико-внедренческого, 3 – туристско-рекреационного и 1 портового типа:

- промышленно-производственные ОЭЗ: ОЭЗ ППТ «Алабуга» (Республика Татарстан), ОЭЗ ППТ «Липецк» (Липецкая область), ОЭЗ ППТ «Тольятти» (Самарская область), ОЭЗ ППТ «Титановая долина» (Свердловская область), ОЭЗ ППТ «Моглино» (Псковская область), ОЭЗ ППТ «Калуга» (Калужская область), ОЭЗ ППТ «Узловая» (Тульская область);

- технико-внедренческие ОЭЗ: ОЭЗ ТВТ «Дубна» (Московская область), ОЭЗ ТВТ «Санкт-Петербург», ОЭЗ ТВТ «Зеленоград» (г. Москва), ОЭЗ ТВТ «Томск» (Томская область), ОЭЗ ТВТ «Иннополис» (Республика Татарстан);

- туристско-рекреационные ОЭЗ: ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань» (Республика Бурятия), ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» (Алтайский край), ОЭЗ ТРТ «Ворота Байкала» (Иркутская область);

- портовые ОЭЗ: ПОЭЗ «Ульяновск» (Ульяновская область) [2].

С 2010 года наблюдается рост количества созданных рабочих мест на территории ОЭЗ, но в процентном отношении к численности экономически активного населения субъектов, на территории которых расположены ОЭЗ, этот показатель составляет только 0,08%. Хотя количество созданных рабочих мест и растет, но оно значительно отстает от запланированного количества [2]. За весь период действия ОЭЗ всеми резидентами осуществлено инвестиций на сумму более 217 млрд. рублей. Привлеченные инвестиции составляют только 37,53% от объема заявленных резидентами инвестиций при заключении соглашений на осуществление деятельности на территории ОЭЗ. По всем типам ОЭЗ наблюдается невыполнение данного показателя: ОЭЗ ППТ – 43,08%, ОЭЗ ТВТ – 30,92%, ОЭЗ ТРТ – 7,4%, ПОЭЗ – 0,05%. В целом деятельность ОЭЗ была признана Счетной Палатой Российской Федерации неэффективной. К причинам низкой эффективности ОЭЗ можно отнести неэффективное использование государственных средств, огромные размеры территорий многих ОЭЗ и нехватку квалифицированных кадров [4].

В 2011 году был введен институт зон территориального развития (ЗТР) – части территории субъекта Российской Федерации, действующих в целях его ускоренного социально-экономического развития путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику. Цели и задачи развития ЗТР формулировались в стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, но фактически они так и не начали функционировать.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.12.2013 года было предложено создать на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири сеть территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) с особыми условиями для организации несырьевого производства, ориентированного, в том числе, и на экспорт. Правовой режим функционирования таких территорий и меры их государственной поддержки определены федеральным законом от 29.12.2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». В соответствии с федеральным законом «территория опережающего социально-экономического развития – часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития, создания комфортных

условий для обеспечения жизнедеятельности населения».

Идея ТОСЭР базируется на создании «точек роста», перехода от политики выравнивания территорий к политике «сфокусированного развития». ТОСЭР, как инструмент преимущественного освоения территории, дает резидентам конкурентные преимущества перед другими предприятиями той же отрасли, не включенными в данную территорию.

Особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности предполагает налоговые преференции: исключение имущественных налогов и существенное сокращение налога на прибыль. Весь эффект, который получит муниципальное образование, сводится к росту инвестиций, развитию производства и занятости.

В настоящее время существует несколько типов ТОСЭР [3]:

1. ТОСЭР, проекты которых предлагаются в Дальневосточном федеральном округе. В 2015 году на территории округа созданы 9 ТОСЭР на 20 инвестиционных площадках в 6 субъектах Российской Федерации: в Хабаровском крае ТОР «Комсомольск», ТОР «Хабаровск», в Приморском крае – ТОР «Надеждинская», ТОР «Михайловский», Амурской области – ТОР «Приамурская», ТОР «Белогорск», Камчатском крае – ТОР «Камчатка», Республике Саха (Якутия) – ТОР «Индустриальный парк «Кангалассы», Чукотский автономный округ – ТОР «Беринговский» [6].
2. ТОСЭР в моногородах стали создаваться в 2016 году вначале в моногородах, отнесенных к 1 категории с наиболее сложным социально-экономическим положением. С 2017 года институт ТОСЭР был распространен и на моногорода, отнесенные ко 2 категории (имеются риски ухудшения социально-экономического положения) и 3 категории (со стабильной социально-экономической ситуацией). В список включены 319 моногородов, находящихся в 61 субъекте Российской Федерации.
3. ТОСЭР на старопромышленной территории Российской Федерации. Старопромышленная территория – это восточноевропейская часть России, включая Урал, где ТОСЭР могут стать территорией перехода на новые технологические уклады с наиболее полным и эффективным использованием накопленного научно-технического, кадрового, инфраструктурного потенциала. В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Уральского федерального округа на территории Урала определены 5 зон: Западно-Сибирская, Уральская промышленная, «Полуостров Ямал», «Восточный склон Урала» и Южно-Уральская сельскохозяйственная зона.
4. ТОСЭР в Арктической зоне Российской Федерации. Для развития Арктической зоны предлагается кластерно-каркасный подход, предполагающий опережающее развитие транспортного, энергетического и социального каркаса территории и концентрацию ресурсов на приоритетных зонах развития и освоения. В пределах Арктической зоны может быть выделено 11 опорных зон развития.

При наличии определенных сходств ОЭЗ и ТОСЭР, у ТОСЭР есть очевидные преимущества в сочетании жилой, рекреационной и промышленно-производственных площадей на одной территории. Кроме того, ТОСЭР создаются под потенциального инвестора с проектом, а не наоборот [1].

В данной статье рассмотрим ТОСЭР, создаваемые в моногородах. В моногородах проживает около 10% населения России и каждый третий из них – житель «кризисного» моногорода. Численность занятого населения в моногородах составляет 5,8 млн. человек, из которых 16,6% заняты на градообразующих предприятиях, 25% – в сфере малого и среднего бизнеса. В 179 моногородах уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель (1,3% от численности экономически активного населения), в том числе в 70 монопрофильных муниципальных образованиях превышение составило 2 и более раза. В 2016 году более 100 тыс. человек осуществляли трудовую деятельность в режиме неполной занятости. Также в моногородах высока неформальная занятость.

Таблица 1

Сведения о моногородах в субъектах РФ, где более 20% населения проживает в моногородах						
Регион	Население моногородов, тыс. чел.	Доля населения в моногородах, %	Кол-во моногородов	1 категория	2 категория	3 категория
Кемеровская область	1636	60,2	24	8	12	4
Челябинская область	1130	32,3	16	7	5	4
Вологодская область	365	30,7	4	3	1	0
Республика Хакасия	157	29,2	6	1	5	0
Свердловская	1253	28,9	17	5	6	6

область						
Республика Татарстан	1034	26,7	7	2	4	1
Архангельская область	298	25,3	7	2	3	2
Самарская область	786	24,5	2	0	1	1
Республика Карелия	143	22,7	11	6	5	0
Амурская область	173	21,4	4	2	2	0

В Северо-Западном федеральном округе находится 41 монопрофильное муниципальное образование, в том числе 18 с наиболее сложным социально-экономическим положением отнесены к категории 1, среди которых одна треть находится в Республике Карелия.

Таблица 2

Количество монопрофильных муниципальных образований в Северо-Западном федеральном округе по категориям

Субъект РФ	Категории			Итого
	1	2	3	
Архангельская область	2	3	2	7
Вологодская область	3	1	-	4
Ленинградская область	1	1	1	3
Мурманская область	3	4	-	7
Новгородская область	2	3	-	5
Республика Карелия	6	5	-	11
Республика Коми	1	3	-	4
Итого по СЗФО	18	20	3	41
Всего РФ	94	154	71	319

В таблице 3 представлено количество монопрофильных муниципальных образований в соответствии с их статусом.

Таблица 3

Количество монопрофильных муниципальных образований в Северо-Западном федеральном округе в соответствии со статусом

Статус монопрофильного муниципального образования	Категория 1 с наиболее сложным социально-экономическим положением	Категория 2 с рисками ухудшения социально-экономического положения	Категория 3 со стабильным социально-экономическим положением	Всего
Городской округ	3	7	1	11
Городское поселение	13	13	2	28
Сельское поселение	2	-	-	2
Итого по СЗФО	18	20	3	41

Для Республики Карелия создание территорий опережающего социально-экономического развития является актуальным. Основой экономики республики является промышленность, представленная в основном градообразующими предприятиями, работающими в традиционных секторах. Они определяют экономический и бюджетный потенциал республики. Градообразующие предприятия, работающие в моногородах, производят около 80 % всего объема промышленной продукции республики и обеспечивают 30 % доходов консолидированного бюджета Республики Карелия. В таблице 4 представлены основные социально-экономические показатели.

Таблица 4

Основные социально-экономические показатели Республики Карелия [8]

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
ВРП, млн. руб.	154953,7	160841,5	178636,2	191192,1	211133,6
Индекс физического объема ВРП, %	102,1	101,5	100,7	100,1	100,4
ВРП на душу населения, руб.	241688,0	251981,4	281021,6	301818,1	334493,5
Удельный вес убыточных организаций, %	47,5	43,6	45,3	48,8	45,3

Общая численность безработных, тыс. человек	11,9	23,1	27,0	26,4	28,7
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в %	134,3	106,0	89,9	91,9	91,6

В республике наблюдается увеличение общей численности безработных (около 30%), индекс физического объема инвестиций в основной капитал низкий, удельный вес убыточных организаций растет и составляет около 50%. Максимальный уровень безработицы сохраняется в Кондопоге и Надвоицах.

На территории Республики Карелия находятся одиннадцать моногородов. Шесть моногородов – Суоярвское городское поселение, Кондопожское городское поселение, Муезерское городское поселение, Надвоицкое городское поселение, Питкярантское городское поселение, Пудожское городское поселение – включены в категорию 1, пять – Сегежское городское поселение, Пиндушское городское поселение, Городской округ город Костомукша, Лахденпохское городское поселение, Вяртсильское городское поселение – в категорию 2 перечня моногородов. В таблице 5 представлена информация о видах экономической деятельности градообразующих предприятий.

Таблица 5

Информация о монопрофильных муниципальных образованиях Республики Карелия

Наименование монопрофильного муниципального образования	Наименование градообразующей организации	Вид экономической деятельности градообразующей организации
г. Кондопога	ОАО «Кондопога»	Производство бумаги и картона
г. Костомукша	ОАО «Карельский окатыш»	Добыча железной руды и производство окатышей
г. Лахденпохья	ООО «Лахденпохский фанерный комбинат «Бумэкс»	Деревообработка, производство клееной фанеры, древесных плит и панелей
г. Питкяранта	ОАО «Целлюлозный завод «Питкяранта» (ООО «РК-Гранд»)	Производство традиционных электроизоляционных видов целлюлозы, талового масла и скипидара, выпуск небеленой сульфатной облагороженной целлюлозы
г. Пудож	ООО «Пудожлеспром»	

Territories of Advanced Social and Economic Development As a New Organizational Form of Development of the Region (on the Example of the Republic of Karelia)

**LARCHENKO
Olga**

*Senior lecturer,
Petrozavodsk State University, Institute of Economics
and Law, Department of Economics and Finance,
Petrozavodsk, Russia, @*

Keywords:

free economic zones
special economic zones
advanced development zones
mono-industry towns
«growth points»

Summary:

Today we witness changes in the spatial development of Russian Federation. Advanced social and economic development territories are introduced as a new institution. The main aim of the article is to show the place of the advanced development territories in solving problems of a region. The article considers various institutions for the development of territories, such as free economic zones, special economic zones, advanced development zones. Data on the activities of special economic zones in the Russian Federation are given. The differences between advanced development zones and special economic zones are indicated. The main attention is paid to the establishment of advanced social and economic development territories in mono-industry towns. The information on the number of mono-industry towns and their categories is presented. The regional aspect of the problem is considered on the example of the Republic of Karelia. The article provides rationalization for the necessity of establishing of advanced social and economic development territories in Karelia. The requirements for residents, the conditions for attracting residents to these territories are given. Conclusion is made about the possible use of advanced development territories in diversification of the region's economy.

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: Sloan S. Defense of the West: NATO, the European Union and the Transatlantic Bargain. Manchester: Manchester University Press, 2016. 400 p. (Слоан С. Оборона Запада: НАТО, Европейский союз и трансатлантическая сделка)

**СМИРНОВА
Александра
Александровна**

*младший научный сотрудник,
Петрозаводский государственный университет,
Управление научных исследований,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

Проблематика развития НАТО и ее влияния на мировую политику уже многие десятилетия не теряет своей актуальности. Рецензируемая книга написана Стэнли Слоаном, одним из ведущих американских специалистов по НАТО и трансатлантическим отношениям, который изучает эту проблематику более 30 лет. На момент написания рецензии представленная монография является его наиболее актуальной работой.

Профессиональная биография С. Слоана включает работу на посту главного специалиста по вопросам международной безопасности в Исследовательской службе Конгресса США в течение 24 лет, а также должность помощника офицера национальной разведки ЦРУ по европейским вопросам. В настоящее время С. Слоан является исследователем и преподавателем Миддлбери-колледжа в Вермонте и Австрийского института европейской политики и политики безопасности.

В рецензируемой книге представлен исторический анализ НАТО с момента основания организации до 2016 года. В основе книги находится концепция НАТО как «трансатлантической сделки». Данную концепцию автор впервые использовал в 1985 году, позаимствовав ее у Харлана Кливленда, в прошлом постоянного представителя США в НАТО.

Согласно С. Слоану, НАТО зародилась на основе первоначальной «сделки» между США, Канадой и европейскими государствами. Сделка предполагала помощь США в обороне Европы при условии самоорганизации этих стран против «советской угрозы». Она также предусматривала американскую экономическую помощь (план Маршалла) в обмен на возможность влияния на использование этих ресурсов. Автор отмечает, что каждое государство, присоединяющееся к альянсу, выдвигало свои условия и, таким образом, привносило свои «вспомогательные сделки» (subordinate bargains). К примеру, изначально Франция была заинтересована в контроле над мощью Германии, Великобритания – в участии США в обеспечении европейской безопасности, Канада – в продвижении политических ценностей, Германия – в суверенитете во внутренних делах, а страны бывшего социалистического блока – в интеграции в западное сообщество и защите от России.

С течением времени трансатлантическая сделка изменялась в связи с расширением альянса, внутренними факторами и вызовами внешней среды. В качестве последнего большого вызова НАТО, повлиявшего на сделку, в книге указана угроза со стороны ИГИЛ[1] на Ближнем Востоке и «российская агрессия в Европе». При этом, по мнению автора, спецификой НАТО является то, что кризисы и вызовы способствуют развитию этой организации, а также достижению консенсуса (иногда вопреки интересу отдельных членов).

Особым участником сделки Слоан считает Конгресс США, поэтому в книге подробно описывается роль этого законодательного органа в деятельности США на международной арене. Слоан отмечает, что проблемы, связанные с обеспечением равных вложений в НАТО, с самого начала были ключевым интересом Конгресса. Он подчеркивает, что одной из характеристик демократической системы является стремление обеспечить безопасность наилучшим образом по самой разумной цене, поэтому американские и европейские институты стремятся избежать чрезмерных трат на деятельность альянса.

Автор подчеркивает, что «трансатлантическая сделка» основывается на общих интересах и ценностях партнеров, а также на убеждении в том, что совместно страны могут добиться большей безопасности и гибкости в своих действиях, нежели по отдельности. Однако именно ценностные, идеологические обязательства, по мнению автора, являются причиной долголетия организации. Из повествования в первой главе следует, что Слоан приписывает организации следующие функции:

- продвижение западных ценностей;
- обеспечение безопасности;
- развитие коллективной обороны;
- расширение возможностей кризисного регулирования;
- распределение обязанностей по обеспечению безопасности;
- содействие политическим изменениям (например, демократическим реформам в потенциальных государствах-участниках);
- стабилизация международных отношений;
- поддержание европейской коллективной системы безопасности;
- усиление сотрудничества между членами.

Уже в первой главе заметен один из недостатков данной работы – недостаточно проработанная теоретическая база. Параграф под названием «теория альянсов» (Alliance theory), который должен, по всей видимости, задать теоретическое направление работе, короток и неинформативен. В нем содержится краткое описание подхода к альянсам классика политического реализма Г. Моргентау, упоминаются критика расширения НАТО с точки зрения представителей структурного реализма Дж. Миршеймера и С. Уолта (с которыми, впрочем, автор не согласен), а также кратко пересказывается объяснение У. Тайса, почему НАТО пережил холодную войну.

Таким образом, подход автора не отличается инновационностью, его повествование свидетельствует о близости автора к теории политического реализма, что объясняет выбор основных объектов исследования: США, Франция, Германия и Великобритания, на основе взаимоотношений которых автор изучает трансатлантическое сотрудничество. Слоан также уделяет большое внимание России как основному источнику угроз и Конгрессу США, к которому автор долгие годы имел отношение. С одной стороны, выбор этих акторов обоснован, поскольку эти государства продолжают играть важную роль в международных отношениях. С другой стороны, напрашивается вопрос: выбрав столь распространённый подход, не упускает ли автор из виду влияние других государственных и негосударственных акторов? Позволяет ли этот подход рассмотреть явления комплексно, включая не только устоявшиеся трактовки, но и критические? Представляется, что более проработанный теоретический подход позволил бы упорядочить логику повествования (которая не всегда ясна в главах 1, 9 и 10), а также представить более многомерный и интересный подход.

Учитывая название книги, возникает вопрос о значении понятия «Запад». С. Слоан отвечает на этот вопрос в конце исследования (глава 10), отмечая, что существует множество трактовок этого понятия. Основной характеристикой, объединяющей страны в эту категорию, он называет следование ценностям демократии, свободы личности и верховенства закона. Он также упоминает приверженность свободному рынку, делая оговорку, что иногда капитализм препятствует продвижению указанных выше демократических ценностей. В этом понимании большинство «западных» стран являются членами НАТО или ее наиболее активными партнерами. При этом С. Слоан признает, что встречаются и исключения – членство Испании во время режима Ф. Франко, военные хунты в Греции, Турции и Португалии.

Монография состоит из 10 глав, объединенных в 3 раздела. Первый раздел включает в себя введение, а также историю заключения и последующей трансформации трансатлантической сделки в период холодной войны. Вторая глава рассказывает о генезисе сделки в послевоенных условиях. Третья повествует о первом пересмотре сделки, вызванном неспособностью государств образовать Европейское оборонительное сообщество, что привело к возрастанию роли США и их ядерного оружия на континенте. В четвертой главе анализируется развитие НАТО и трансатлантических отношений в период с 1954 года по 1989 год. В пятой главе подводятся итоги сотрудничества стран в рамках НАТО в

период холодной войны, в частности, автор рассуждает о различиях в европейских и американских подходах к «советской угрозе» и обеспечению безопасности. По мнению С. Слоана, эти различия обуславливаются влиянием географического положения и разным историческим опытом. Например, изоляция и отсутствие большого опыта ведения войн на своей территории привели к следующим отличиям США от европейских стран: более радикальное отношение к ликвидации угроз и определению врагов, нетерпимость к ситуациям собственной уязвимости, негативное отношение к марксизму и социализму.

Второй раздел включает главы, посвященные ключевым трансформациям НАТО после окончания холодной войны. В шестой главе описываются изменения 1990-х годов, связанные с поиском новой идентичности, расширением членства, кампаниями в странах бывшей Югославии, образованием Европейского Союза, а также построением отношений с Россией. Седьмая глава посвящена первому десятилетию XXI века, в центре ее внимания находятся вопросы расширения, теракт 11 сентября, военные операции в Ираке и Афганистане, возникшие разногласия среди членов альянса и ухудшение отношений с Россией. В восьмой главе освещаются основные события 2010-х годов: принятие новой стратегии НАТО, стремление администрации Б. Обамы активизировать европейских союзников и уменьшить роль США в деятельности альянса, операция в Ливии, украинские события и саммит в Ньюпорте (2014 г.).

Третий раздел состоит из двух глав, содержащих авторский анализ современных угроз и внутренних вызовов (глава 9), а также вывод о сущности обеспечения безопасности в рамках НАТО на современном этапе (глава 10). Среди современных внешних угроз западной безопасности Слоан перечисляет действия России, деятельность ИГИЛ[2] на Ближнем Востоке и в Северной Африке, терроризм, афганский Талибан, угрозы распространения ядерного оружия и оружия массового уничтожения, угрозы кибербезопасности, информационные войны, а также комплексные угрозы, направленные против общественных ценностей, политических систем и экономических интересов. Внутренними вызовами С. Слоан признает экономическую и политическую уязвимость европейских стран, недостаточные расходы на их оборону, неэффективное сотрудничество НАТО и ЕС, политические вызовы трансатлантическим отношениям (указываются попытки России «саботировать отношения между союзниками»), уменьшение заинтересованности американского руководства (упоминается поворот администрации Б. Обамы в сторону Азии), проблемы функционирования американской политической системы, а также угрозы западным ценностям и интересам. В десятой главе автор резюмирует, что на данном этапе союзники по НАТО чувствуют наибольшую неуверенность в своей безопасности с окончания холодной войны, что обусловлено непредсказуемым поведением акторов в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии (прежде всего, Китай и Северная Корея). Автор также задается вопросом «стремятся ли США «вести за собой Запад» или это бремя стало слишком тяжелым для Вашингтона?». При этом он выражает уверенность в способности альянса и трансатлантической сделки адаптироваться к новым вызовам.

Следует отметить, что представленная монография подробно и содержательно рассказывает об истории НАТО и трансатлантических отношений, которые легли в его основу. Авторский анализ интересов и действий союзников по НАТО в разные периоды основывается на длительной работе автора над этой темой. Учитывая объем публикации, существенными плюсами являются доступный язык и интересное повествование об истории трансатлантических отношений.

Представляет интерес и авторский анализ проблемы обеспечения равных вложений в европейскую безопасность, которая вызвала трения между США и партнерами с зарождения организации. В книге представлены позиции США и европейских государств по этому вопросу. Слоан напоминает, что расходы на оборону в размере 2% от ВВП являются относительным требованием: вклад может заключаться как в финансировании организации, так и в предоставлении боеспособных вооруженных сил, инфраструктуры или покупке вооружения. Споры возникают также по поводу нежелания членов, специализирующихся на более «мягких», «мирных» миссиях, принимать участие в более «тяжелых» военных операциях.

Очевидно, что в своем анализе автор стремится к объективности и непредвзятому описанию положительных и отрицательных сторон тех или иных действий НАТО или союзников, однако представляется, что автор тяготеет к евроатлантизму, что накладывает определенный отпечаток на его анализ.

Следует отметить, что Россия в монографии упоминается исключительно в контексте угрозы (реже – вызова) для стран Запада, нередко в одном предложении с Исламским государством[3]. В девятой главе, посвященной угрозам западным союзникам, Россия анализируется в первую очередь,

однако автор не объясняет, означает ли это, что страна представляет наибольшую угрозу. Учитывая частоту упоминания российской проблематики, удивляет однобокий анализ, например, в начале десятой главы автор пишет «сегодня мы понимаем, что Россия и ее культура, общество и руководство никогда по-настоящему не стремились присоединиться к Западу...». Подобные упрощения способствуют закреплению образа врага в лице России. Удивляет и отсутствие ссылок на исследования о российской внешней политике, которые могли бы свидетельствовать о стремлении автора более основательно разобраться в данной проблематике (например, [2] или [3]).

С одной стороны, оформление монографии говорит о направленности на учебные цели: главы заканчиваются вопросами для обсуждения; присутствуют карты, фотографии, списки и тексты, заключенные в рамку; в приложения вынесены тексты Североатлантического договора (1949 г.) и Стратегической концепции обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора (2010 г.). В то же время, книга является весьма объемной и для полного освоения требует от читателя терпения и глубокой заинтересованности.

В предисловии к монографии указывается, что потенциальной аудиторией книги являются исследователи и студенты, будущие работники американской администрации, чиновники стран НАТО и ЕС, а также все заинтересованные граждане Америки и европейских стран. Книга может быть полезной и для российской аудитории, проявляющей интерес не только к политике НАТО, но и к «западному» видению международной безопасности.

Можно резюмировать, что в представленной монографии содержится удачный и интересный анализ динамики трансатлантических отношений, лежащих в основе Североатлантического альянса, однако из-за слабой теоретической базы книга не дает полное представление и не может быть единственным источником информации об истории и деятельности НАТО.

Работа выполнена в рамках подпроекта «Создание экспертно-аналитического бюллетеня Безопасность на Севере Европы: Россия – НАТО. Актуальная повестка» Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021 гг.

Список литературы:

1. Sloan S. Defense of the West: NATO, the European Union and the Transatlantic Bargain. Manchester: Manchester University Press, 2016. 400 p.
2. Tsygankov A. Russian Foreign Policy: Change and Continuity in Russian Identity. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 336 p.
3. Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior. Stuttgart: ibidem Press. 2016. 220 p.

[1] «Исламское государство», ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории России.

[2] «Исламское государство», ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории России.

[3] «Исламское государство», ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории России.

**Review of the book Sloan S. Defense of the West:
NATO, the European Union and the Transatlantic
Bargain. Manchester: Manchester University Press,
2016. 400 p.**

**SMIRNOVA
Alexandra**

*junior researcher,
Petrozavodsk State University, Directorate for Academic
and Scientific Research,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com*

Рецензия на кн.: Hägglund G. Rauhan utopia. Docendo, 2014. 182 s. (Хегглунд Г. Утопия мира)

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

В сентябре 2014 года финское научное издательство Docendo Oy выпустило на книжный рынок Финляндии книгу потомственного военного [\[1\]](#), генерала в отставке Густава Хегглунда (р. 1938), командующего Оборонительными силами Финляндии (1994–2001), первого председателя Военного комитета Европейского союза. Интерес читающей публики к восьмой по счету (первая вышла в 1975 г.) книге авторитетного в Финляндии военного, генерала, награжденного почти 50 орденами и знаками отличия, был сильно разогрет событиями на Украине, которые, по всей видимости и заставили весьма пожилого человека вновь взяться за перо. Хегглунд командовал миротворческими войсками ООН на Синайском полуострове, Голанских высотах и в Ливане, в 1994–2001 гг. провел реформу вооруженных сил Финляндии, после завершения которой неудачно попытался войти в большую политику. Конвертировать в политическую карьеру свои несомненные военные заслуги ему, впрочем, не удалось. В 2004 году он проиграл Саули Ниинистё выдвижение от Коалиционной партии в качестве кандидата в президенты, и к вящей радости читающей публики сосредоточился на писательской карьере.

В относительно небольшой по объему книге Г. Хегглунд, опираясь на свой богатый жизненный и профессиональный опыт, включивший в себя исследовательскую работу в Гарвардском университете и учебу в командно-штабном колледже в США (Форт Ливенуорт), предлагает заинтересованному читателю свое авторитетное мнение о путях и способах обеспечения безопасности Финляндии, концентрируясь в том числе на сложных проблемах, проистекающих из близости с большим восточным соседом, Россией.

Уже в своем шутовском обращении к читателю, «не пугайся, это не научная книга, а оценка современного мира с точки зрения военного», генерал выражает свое кредо и заодно главную мысль книги: «самой надежной гарантией безопасности для маленькой страны в опасное время является ее собственная эффективная обороноспособность». Ведь «во многих европейских странах поступали так, как будто в этой части света наступил вечный мир, ослабляли свою обороноспособность, сосредоточившись на управлении кризисами – и вдруг проснулись от смеха казака» [1; 9]. Во введении Г. Хегглунд задается вопросом, пространный ответ на который и составляет содержание его книги: «должна ли Финляндия присоединиться к европейскому мейнстриму, отказавшись от всеобщей воинской повинности и сконцентрировавшись на управлении кризисами?».

В первой главе Хегглунд строит свои размышления, отталкиваясь от очевидной геополитической реальности – в мире фактически только три государства обладают полноценной субъектностью, не только в силу обладания ракетно-ядерными вооружениями: России этот статус обеспечен еще и большой территорией, Китаю – огромной численностью населения, США – техническим превосходством. Положение в России после распада СССР, по мнению генерала, определялось пост-имперским синдромом нового государства, советская собственность в котором перешла в руки «ушных спекулянтов», военным не выплачивалось жалование и в гарнизонах занимались мелким сельским

хозяйством и продажей «налево» горючего с целью выживания.

Ситуация в стране стала меняться после прихода к власти Владимира Путина в 2000 году: на место «независимых местных сатрапов» были назначены губернаторы, олигархов заставили платить налоги и поставили под контроль государства, рост цен на нефть и газ наполнил бюджет, страна приступила к реализации проектов развития. Как считает Хегглунд, добившись успехов в развитии экономики и социальной сферы, Россия вдруг обнаружила, что ей не хватает «прежнего величия», в чем она сильно напоминала Великобританию и Францию после Второй мировой войны – крупнейшие мировые колониальные державы были вынуждены постепенно отказаться от своих зависимых территорий, для контроля над которыми им не хватало военных сил и ресурсов.

На это сходство между бывшими империями и заканчивается. Отличие отношения России со «странами ближнего зарубежья», то есть бывшими республиками СССР, от связей Великобритании со странами Британского содружества, по мнению Хегглунда, заключается в стремлении сохранить в них влияние и, при необходимости, сохранить возможность использования военной силы, примерами чего автор считает «операции России в Грузии и на Украине». В политике безопасности России это направление внешней политики является одним из основных. Как замечает Хегглунд, «с нашей финской точки зрения, естественно, очень важно знать не включили ли и нас каким-то образом в эту категорию», то есть стран «ближнего зарубежья» [1; 15].

Впрочем, Хегглунд не сомневается, что целью России, например, не является возвращение в свой состав государств бывших среднеазиатских республик СССР, учитывая опыт Чечни и Дагестана, другое дело – независимые государства на восточной окраине бывшего СССР, прежде всего Украина. Приводя недостоверные данные о жертвах голода первой половины 1930-х годов (Хегглунд насчитал на Украине 5–7 млн умерших от голода и ему неизвестно о голоде в Казахстане и РСФСР в то же время), автор все же замечает аналогичную по масштабам убыль населения независимой Украины начиная с 1991 года. Хегглунд не испытывает к прежней правящей элите Украины пиетета, прямо именуя ее «бандитократией» (*rosvokratia*), главной задачей которой являлось быстрое набивание «своих и приятелей» карманов, в результате чего ВВП страны к 2013 году так и не превысил уровень 1991 года. За тот же период ВВП России «вырос в четыре раза».

В первой главе Хегглунд довольно пространно размышляет о «двух военных фиаско» США в Афганистане и Ираке, во втором случае Америка использовала прямую ложь о наличии больших запасов химического и программе разработки ядерного оружия и поддержке Ираком Аль-Каиды [2]. Особый интерес представляет изложение им стратегической цели Пентагона по овладению всеми семью ближневосточными государствами до того, как это сможет сделать усилившийся Китай, о чем Хегглунду стало известно от своего «американского друга», который в качестве участника президентской кампании 2004 года посетил Пентагон для брифинга. В ходе информирования кандидатов в президенты о международной ситуации, военные заявили, что война в Ираке была первой в этой серии, а после ее завершения это государство должно было превратиться в образец демократии для всех остальных государств Ближнего Востока. Эти вполне объективные замечания относительно допущенных США провалов в своей внешней политике потребовались автору для обоснования мысли о том, что финансово перенапрягшийся мировой гегемон после фиаско в Афганистане и Ираке испытывал потребность в сокращении внешнеполитической активности, да и к тому же вскоре объявил о «повороте к Азии», что серьезно изменило геополитическую обстановку в мире [1; 21–23].

Мировой стратегический обзор Хегглунд продолжил размышлениями о Китае, задавшись вопросом, собирается ли это государство «строить собственную империю». Поначалу, еще работая в 1981–1982 годах в Гарварде в качестве профессора-исследователя и затем до начала 1990-х годов Хегглунд давал положительный ответ на этот вопрос даже после встречи с высшим военным руководством КНР в ходе читавшимся им лекций в военной академии этой страны. Лишь глубже ознакомившись с историей Китая, генерал пришел к прямо противоположному мнению о китаецентричности мировидения элиты этой страны, что отражено и в ее самоназвании – Срединная империя, – которая стремится к контролю только над прилегающими к ней странами. По мнению Хегглунда, начать войну Китай может только в случае угрозы прекращения доступа к сырью, необходимому для его быстрорастущей экономики, что является «способствующим сохранению мира фактором».

Размышления Хегглунда о соотношении экономики, политики и военной силы в глобальном масштабе вряд ли поразят искушенного читателя глубиной мысли, в них есть и откровенно слабые места [1; 29–36]. Тем не менее, интерес представляют его замечание о необходимости для Финляндии принимать во внимание возможную угрозу применения Россией энергетического оружия – большую

зависимость Суоми от российских поставок углеводородного сырья, – с одной стороны, финские потребители нефти и газа никогда не испытывали трудностей с поставками нефти и газа из России, с другой – как считает Хегглунд, следует принимать во внимание проблему транзита газа через Украину в 2014 году. В этой логике спровоцированный Украиной кризис газовых поставок, отбор транзитного газа без оплаты, может каким-то образом коснуться и Финляндии, которая не является транзитным государством за исключением территориальных вод, по которым проложены трубы «Северного потока», что более чем сомнительно [1; 36].

Значительный интерес представляют мысли автора о соотношении военных бюджетов и конвенциональных сил США, европейских стран и России после распада СССР и роли европейских членов НАТО в военной политике Альянса. Не забыв упомянуть о программе вооружения России стоимостью в 500 млрд долларов в период с 2011 по 2020 год, Хегглунд отмечает общий тренд на сокращение военных расходов странами Европы. Тем не менее, по его подсчетам, совокупные военные бюджеты европейских членов Альянса в 4 раза превышают военные расходы России, их общий ВВП в 8 раз больше, а население – в 4 раза. Этих ресурсов, по мнению Хегглунда достаточно для самостоятельного обеспечения Европой своей безопасности, без участия США. Еще в период обучения в командно-штабной академии ВС США в 1972–1973 годах, будущий генерал выполнил работу в которой он обосновал способность европейских стран-членов НАТО самостоятельно противостоять СССР в конвенциональной войне, что способствовало бы превращению Западной Европы из «вассала в партнера». Опубликованная в журнале *Military Review* работа вызвала определенный интерес в военных кругах, но Вашингтон «и не собирался повышать статус европейцев», относясь к НАТО лишь как к «инструменту внешней политики США» [1; 45].

Второй урок американской политики в отношении НАТО Хегглунд получил в середине 1990-х годов в ходе беседы в Калифорнии, куда он прибыл по приглашению консула Финляндии Йорна Доннера, с исследователями РЭНД-Корпорейшн Рональдом Асмусом и Стефаном Ларраби, которые озвучили тезисы о расширении НАТО, разработанные для министерства обороны США. Хегглунд был искренне удивлен, считая, что после ликвидации Организации Варшавского договора НАТО самораспустится. Мнения членов военно-политического руководства США по этому вопросу разделились. Министр обороны США Уильям Перри в ходе визита в Финляндию заявил, что НАТО может ограничиться проведением миротворческих операций и Альянсу не следует расширяться во избежание роста напряженности.

Существовал и другой лагерь. По просьбе крупного финского политика и ученого Макса Якобсона Хегглунд выступил на заседании Трехсторонней комиссии, «одном из тайных обществ в высшей степени влиятельных людей», изложив видение будущего в постсоветскую эпоху, в котором НАТО отводилась ограниченная роль. Среди слушателей были Генри Киссинджер и «польского происхождения Збигнев Бжезинский», который в жестких выражениях отверг этот подход, сравнив его с «умиротворением» конца 1930-х годов в отношении германской экспансии в Европе и назвав уступкой русским. По мнению Бжезинского «наступило время не для уступок, а наступления, так как слабость России дает возможность расширить сферу влияния США на восток». Киссинджер выразил согласие с этой точкой зрения, молча «кивая головой». По мнению Хегглунда, Билл Клинтон склонился в пользу варианта расширения НАТО на восток во время визита в Польшу (6–7.7.1994), в ходе которого поляки показали себя «очень приятными людьми». В результате этого решения в НАТО вступили «более десяти бывших коммунистических государств», что вызвало в России раздражение, «ну и что с того», иронично замечает Хегглунд, воспроизводя реакцию сторонников расширения НАТО.

Финский генерал является сторонником идеи оборонной самодостаточности единой Европы, полагая что европейские страны-члены НАТО вполне способны превратить в неприступный бастион занимаемую ими территорию, хотя, впрочем, свидетельств их готовности к этому пока не заметно, прежде всего потому, что они уповают на военную силу США, извлекая из своего положения «дивиденды мира», в то время как мировой гегемон – «дивиденды силы». США, как считает Хегглунд, относятся к европейцам как к вспомогательной силе в проведении собственных интервенций и готовы передать им военную ответственность в Африке и в бассейне Средиземного моря за исключением Израиля и соседствующих с ним арабских государств. По его оценке, в будущем европейские члены НАТО смогут использовать за пределами Европы один авианосец, шесть пехотных бригад и поддерживающие их действия подразделения ВВС и ВМС, впрочем, при условии оказания США поддержки в логистике, разведке, связи и снабжении [1; 46–47].

С четвертой по седьмую главу автором излагаются основные геополитические и геостратегические проблемы современного мира, а также изменившиеся под влиянием

научно-технического прогресса способы ведения войны: сдерживающая роль ядерного оружия, цифровизация средств ведения войны, асимметричные военные конфликты, роль великих держав в поддержании мира, международное сотрудничество в управлении кризисами, «тупик» в котором оказался Североатлантический альянс в попытке заменить ООН в проведении миротворческих операций, «экспорт демократии» (*demokratian vienti*), отношения НАТО и Евросоюза, оборонительное сотрудничество в Североевропейском регионе и в бассейне Тихого океана; арабо-израильский конфликт, отношения между шиитами и суннитами, ситуацию в Африке и потенциальные кризисы в Юго-Восточной Азии.

Остановимся на анализе компетентного специалиста конкуренции арктических государств в Арктике и перспектив развития ситуации в этом регионе мира под воздействием природно-климатических (глобальное потепление) и геополитических изменений. Хегглунд отвергает мнение о возможном военном конфликте в этом регионе, поскольку все 8 членов Арктического совета соблюдают нормы международного права, включая Россию, которая ведет себя в Арктике «совсем как примерный ученик». Примером мирного решения спорных вопросов можно считать раздел спорных акваторий в Баренцевом море между Норвегией и Россией в 2010 году. Автор полагает, что в отличие от других арктических государств особый интерес России в Арктике заключается в гарантировании доступа к шельфовым залежам нефти и газа после исчерпания нефтегазовых ресурсов Западной Сибири, а международное сотрудничество ей необходимо для получения доступа к западным технологиям и финансовым ресурсам с целью освоения шельфа, что само по себе исключает использование военной силы [1; 126–129].

Некоторый конфликтный потенциал, как полагает Хегглунд, в Арктике все же существует в связи с различными трактовками заинтересованных государств вопроса свободы мореплавания по Северо-Восточному и Северо-Западному проходам: Россия и Канада считают проходы своими территориальными водами и планируют взимать транзитные платежи, с чем не согласны заинтересованные в коммерческом использовании арктического транзита государства. Россия, по мнению автора, может больше всего выиграть от использования ресурсов Арктики и транзита, она эксплуатирует половину ледоколов мира, в то время как США «в общем то, все равно», что здесь происходит, так как их внимание сосредоточено на других регионах мира. В то же время интерес Китая в Арктике и запасам углеводородного сырья в ней постоянно растет. У Китая самое большое по количеству персонала посольство в Рейкьявике, он вложил в Канаду 16 млрд долларов и предложил услуги китайских буровых компаний Гренландии. Военная активность в арктическом регионе также несколько выросла: Норвегия перевела свой центр управления операциями из Ставангера в Будё, Канада модернизировала свои арктические базы, Франция объявила о подготовке способной действовать в Арктике бригады, Россия – о формировании еще одной бригады (дислоцирована в Алакуртти – прим. Ю. К.) и восстановлении десяти баз, расположенных вдоль СМП.

Заняв пост командующего Оборонительными силами Финляндии, в середине 1990-х годов Хегглунд направил президенту [3] Финляндии предложение о покупке или аренде района Петсамо (Печенги) у России, так же как до этого СССР до 1955 года арендовал у Финляндии базу в Порккала-Удд. До этого он посетил Печенгу, засвидетельствовав, что российское руководство перестало оказывать поддержку этой удаленной территории, и даже платить зарплату военным. По мнению Хегглунда, учитывая тогдашнюю слабость России инициатива могла привести к успеху, и «кто его знает», Финляндия могла бы получить и «свой участок шельфа» в Баренцевом море. В этом случае через территорию Финляндии можно было бы провести газопровод от Штокмановского месторождения в Германию для снабжения «всего Евросоюза в течение пятидесяти лет». Мартти Ахтисаари, впрочем, не проявил интереса к инициативе, положив бумагу в сейф [1; 130–134].

Рассуждая о будущем мироустройстве, Хегглунд не считает скорый переход мирового лидерства к Китаю «очевидным», поскольку, по его мнению, коллективный Запад в предвидимом будущем не утратит свою ведущую роль в научно-технической, производственной областях и инновациях. Отвергая анализируемую им идею Шпенглера о «закате Европы», Хегглунд, напротив, считает, что Запад еще не достиг вершины в своем цивилизационном развитии, которое он понимает как преимущественно научно-технологическое. Траектория развития Китая напоминает автору послевоенную Японию с ее моделью развития, основанной на копировании чужих технических изобретений, а коммунистическая система, по его мнению, не создает условий для развития потенциала личности.

Следуя совету Макса Якобсона, считавшего, что прогнозы можно составлять не более чем на пять лет, Хегглунд полагает, что серьезную угрозу миру в ближайшем будущем не будут представлять лишенные единства исламские страны, а все мировые религии или не имели, или утратили энергию

прозелитизма за исключением христианских государств, навязывающих свои ценности всему остальному миру. По мнению Хегглунда, в ближайшее пятилетие (2014–2019 гг.) может начаться полномасштабная гражданская война на Украине и в Ираке с участием внешних акторов, Израиль может напасть на Иран, а Северная Корея способна спровоцировать войну испытанием носителей ядерного оружия [1; 142–143].

Квинтэссенция книги Хегглунда изложена им в девятой главе «Варианты действий Финляндии». В разделе «Россия – судьба (Финляндии)» автор, цитируя высказывание Паасикиви «С географией мы ничего не можем поделать» (выражение принадлежит И. В. Сталину – Ю. К.), замечает, что судьбой Финляндии является соседство с Россией, не разделяющей ценности западного, в том числе, финского общества. Хегглунд высказывает сожаление, что Петру Первому не удалось обеспечить устойчивый выход России в Черное море, завоевав прилегающие к нему с севера и востока земли. В случае успеха территориальной экспансии России в южном направлении, которое было для нее по важности «первостепенным», Финляндия могла бы «избежать многих бед», которые принесло с собой строительство новой имперской столицы в устье Невы. Хегглунд воспроизводит старый миф финской историографии о «поголовном истреблении» русскими казаками финнов [4] на Карельском перешейке в радиусе 100 км от столицы с целью создания полностью лишённого населения пояса безопасности [1; 148].

В кратком обзоре истории отношений России (СССР) и Финляндии [1; 147–156] Хегглунд воссоздает привычную для среднего финского школьника картину, в которой большой восточный сосед постоянно угрожает малому народу, представляющему собой восточный форпост западной цивилизации, и в лучшем для Финляндии случае ограничивает свободу ее внешнеполитических действий (1944–1991 гг.). В книге нет ни слова о проекте создания Великой Финляндии, практически реализованном в 1941 году с выходом финских войск на южный берег р. Свирь и к Беломорско-Балтийскому каналу. Естественно, в ней нет и упоминания о голоде в концлагерях для гражданского славянского населения в советской Карелии, унесшем жизни от 4 до 7 тыс. человек из 20 тыс. всего лагерного населения и носившем характер этнических чисток. О честности и объективности автора в этом случае говорить не приходится.

В этом свете несколько иначе выглядят рассуждения автора о различиях в пройденном народами-соседями пути, усвоении финнами еще в период Великого княжества Финляндского основ демократии и неприемлемости для России основных ценностей западного общества – разделения властей, свободы личности, прав человека – поскольку цивилизационный код России включает в себя другие ценности: сильную центральную власть, приоритет государственных интересов над интересами личности, действующую в интересах государства правовую систему и подавление критики. Впрочем, Хегглунд не считает, что Россию следует обратить в западную веру и советует стремящимся «улучшить этот мир» «разрядить энергию», например, в Африке, которая куда больше нуждается в улучшении условий своей жизни. Ведь в России, в отличие от Африки, «не совершают миллионами женские обрезания, не заставляют детей брать в руки оружие, не забрасывают камнями гомосексуалистов, не занимаются массовыми изнасилованиями и этническими чистками» [1; 156].

Обуславливающими добрососедство двух народов после распада СССР факторами Хегглунд считает взаимодополняющий характер их экономических систем, обмен товаров высокой добавленной стоимости на углеводородное сырье, устойчивое развитие экономики России означает для Финляндии возможность увеличить инвестиции и экспорт. Рекреационный и шопинг-туризм на приграничных территориях Финляндии способствует росту ее благосостояния, а разнообразные связи между людьми по обе стороны границы нивелируют предубеждения и порождают взаимопонимание. По мнению Хегглунда, Финляндия не должна наносить ущерб отношениям соседу больше, чем она обязана в рамках общей политики Евросоюза, если, конечно, финны не хотят «утирать юшку из носа».

Оценивая нынешнее состояние России как стабильное, что идет во благо Финляндии, Хегглунд задается вопросом, могут ли финны быть уверены в устойчивости этой стабильности, например, в случае исчерпания запасов нефти и газа и вызванного этим снижением жизненного уровня населения в соседней стране. Поскольку Финляндия находится рядом с Кольским полуостровом с его военно-морскими базами и вторым по величине городом России, Санкт-Петербургом, ей следует внимательно следить за развитием ситуации и готовиться к «неприятным вариантам», учитывая действия России в Грузии и на Украине. С этой целью необходимо поддерживать обороноспособность на должном уровне, принимая во внимание возможность использования военной силы в Европе. Ответ Хегглунда на собственный вопрос, «угрожает ли нам нападение с востока», прост – учитывая исторический опыт к этому нужно быть готовыми, ведь «только с этого направления в прошлом

нападения и осуществлялись». Хегглунд насчитал четыре попытки захвата Россией Финляндии, из которых две, Северная война и война 1808–1809 годов, были успешными и две безрезультатными, зимняя война и в война-продолжение [1; 158–159].

Это утверждение Хегглунда следует кратко прокомментировать поскольку здесь лучше всего заметны белые нитки в его тезисах, ангажированность отбора фактов и необъективность в толковании исторических событий. Список попыток Финляндии аннексировать части территории России ненамного короче и включает в себя три эпизода, начиная с весны 1918 года и заканчивая летом 1944 года.

Оставим, впрочем, без комментариев трактовку автором попыток захвата Россией не имевшей государственности Финляндии, колонии шведской империи, в начале XVIII и XIX веков. Вспомним о двух попытках аннексии советской (восточной) Карелии: весной 1918 года, когда небольшой финский отряд вышел к Белому морю в районе Кеми, и спонсированный правительством Финляндии военный поход в южную Карелию весной–летом 1919 года, когда финские «добровольцы» и получившие срочный отпуск офицеры финской армии дошли до ворот Петрозаводска и р. Свирь, а также законодательно закрепленную аннексию Финляндией Ребольской (1918 г.) и Поросозерской (1919 г.) волостей Олонецкой губернии, которые вернулись в состав РСФСР только по условиям Тартуского мирного договора в начале 1921 года.

Самая серьезная попытка создать Великую Финляндию за счет части шкуры русского медведя была предпринята Финляндией в 1941–1944 годах, когда она оккупировала никогда ей не принадлежавшие две трети территории довоенной Карельской АССР и почти реализовала план создания чистого в расовом отношении финно-угорского государства – Великой Финляндии. Современным финским политикам следует учитывать озабоченность своего большого соседа, пока еще не потерявшего историческую память, вероятным оспариванием Финляндией своей восточной границы [5], возможно с опорой на будущую единую европейскую армию, создание которой актуализировалось в 2017 году. В худшем случае Суоми могла бы попытаться ревизовать границу в ситуации неожиданного международного кризиса с опорой на мирового гегемона, учитывая содержание Меморандума о взаимопонимании, подписанного в Уэльсе 4 сентября 2014 года.

Впрочем, разделим мнение Хегглунда, считающего, что возможная угроза безопасности со стороны России для Финляндии в настоящее время не является актуальной, впрочем, как и наоборот. По его мнению, у России есть три причины не использовать военную силу против Финляндии: многостороннее сотрудничество двух стран выгодно им обоим; со стороны Финляндии России не угрожает ни реальная, ни выдуманная военная опасность (книга писалась до подписания уэльского Меморандума о взаимопонимании – Ю. К.), поскольку Санкт-Петербург защищен достаточно глубокой зоной безопасности и Финляндия не является членом НАТО; Финляндия представляет собой серьезного военного противника, в чем «русские убедились во второй мировой войне», «дважды получив отпор». Хегглунд задает риторический вопрос: зачем русские будут нападать «на единственный в Европе героический народ». Ситуация, впрочем может измениться, если Финляндия начнет ослаблять свою обороноспособность, в результате чего может стать «лакомым кусочком» для стремящейся к расширению великой державы. В заключение Хегглунд выписал рецепт сохранения добрососедских отношений – странам-соседям следует продолжать взаимовыгодное сотрудничество, сохраняя свои ценности и соблюдая национальные интересы [1; 159].

В разделе «Призывная или контрактная армия» Хегглунд весьма убедительно обосновывает необходимость сохранения всеобщей воинской повинности, его аргументы представляют интерес и для современной России, которая решает такую же проблему. Решение о переходе армий европейских членов НАТО к формированию на контрактной основе после распада СССР было принято по инициативе США, которые призвали своих европейских союзников перейти от территориальной обороны к управлению кризисами под эгидой НАТО. Хегглунд указывает, что результатом этих мер стал аутсорсинг безопасности европейских стран-членов НАТО – в обмен на их участие в возглавлявшихся США операциях НАТО, сильнейшая военная держава мира гарантировала военную безопасность своих союзников, что привело к резкому сокращению военных расходов в Западной Европе.

Хегглунд полагает, что движение в этом направлении было логичным и понятным учитывая незабываемый опыт второй мировой войны странами, которые не смогли отстоять свою независимость и были оккупированы (на стр. 161 он дает список всех оккупированных государств Европы), в отличие от Финляндии, единственной из участников войны на европейской континенте сумевшей сохранить суверенитет, что и в современных условиях невозможно без призывной армии. Хегглунд подсчитал, что случае перехода в Финляндии к контрактной армии ее численность составила бы всего 16 тыс. человек, что «лишь незначительно превышало бы численность полиции» и военные могли бы стать лишь

«гидами для вторгшегося противника», чтобы «он не заблудился в нашей большой по территории стране». Армии многих европейских членов НАТО, по его мнению, не могут защитить свои собственные страны, да и не предназначены для этого, поскольку их единственное предназначение – участие в кризисных операциях для того чтобы снискать «благоволение США» [1; 163].

Хегглунд последовательно опровергает доводы сторонников контрактной армии: призывная служба рассматривается им как инвестиции в будущее; он выступает за гендерное равенство в армии, призыв на срочную службу на равной основе мужчин и женщин, лишь при условии, что мужчины научатся «беременеть» или хотя бы «кормить младенцев своим грудным молоком»; по его мнению достаточно и принципа добровольности при поступлении женщин на военную службу, на которой они получают навыки и умения необходимые для ликвидации дискриминации в уровне оплаты за равный труд с мужчинами; 6-месячный срок срочной службы «идеально подходит» для приобретения «на гражданке» необходимых для обороноспособности страны навыков. В армию военного времени численностью 230 тыс. человек Хегглунд считает целесообразным призывать военнообязанных лишь до достижения ими 35 лет при условии, что добровольно в армию можно вступить и лицам старших возрастов.

Хегглунд подвергает содержательной критике мнение «подавляющей части (финской) интеллигенции» о необходимости вступления Финляндии в НАТО. По его меткому выражению «простой народ не реагирует на эти песни сирен и упорно поддерживает независимую оборону». Он последовательно опровергает доводы сторонников членства в НАТО о необходимости установления более тесных связей с Западом, о недоступности для не-членов Альянса важной информации (Хегглунд в течение 10 лет каждые два месяца принимал участие в заседаниях высших органов НАТО и знает, что США не делятся важной информацией даже с ближайшими союзниками). Третий довод о значимости гарантий военной безопасности со стороны США «опровергнуть нельзя», но есть четыре причины невступления Финляндии в НАТО: ни на одном из этапов расширения НАТО для Финляндии не находилось подходящей кампании – наиболее подходящий момент для вступления представился в 1990-х годах, когда членами НАТО стали Польша, Венгрия и Чехословакия, но они принимались для «экспорта демократии», в то время как Финляндия «могла ею поделиться с другими». В то же время, Швеция, Австрия, Ирландия и Швейцария, которые были бы естественными партнерами Финляндии, не изъявили желания стать членами Альянса.

Второй причиной стали опасения финского общества и элиты страны о возможном участии в нежелательных для нее конфликтах в глобальном масштабе, поскольку для малого государства будет действовать моральный императив, заставляющий участвовать в чужих конфликтах для гарантирования оказания помощи самим себе в случае кризиса. Вступление в НАТО может также ухудшить отношения с Россией, о чем свидетельствует опыт «многих новобранцев Альянса». Впрочем, единственной значимой причиной невступления Финляндии в НАТО Хегглунд считает негативное воздействие членства на обороноспособность страны – ведь, «зачем самим работать изо всех сил, если... мощные США решат проблемы обороны», и зачем нужен призыв, если «есть могучие гаранты». Хегглунд замечает, что большинство старших офицеров финской армии, согласно данным опросов, поддерживают членство Финляндии в НАТО. По его мнению, вопрос следует сформулировать иначе: «готовы ли вы поддержать членство в НАТО, если оно приведет к отказу от призывной службы и территориальной обороны» – в этом случае явное большинство «как старших, так и младших офицеров ответили бы отрицательно» [1; 170–172].

В небольшой десятой главе «Хочешь мира, готовься к войне» Хегглунд формулирует главную мысль своей незаурядной книги, выраженной в ее названии. По его мнению, Сталин вряд ли бы нанес удар по Финляндии, если бы знал, какой горький урок будет ему там преподан, а опыт зимней войны попрежнему актуален. Ради мира стоит трудиться, но на него нельзя рассчитывать, вечный мир, к сожалению, представляет собой утопию. Финляндия должна полагаться только на свои силы перед лицом угроз, которые могут возникнуть в будущем: США могут начать постепенный уход из Европы, Евросоюз дает политические, но не военные гарантии, Скандинавские страны являются хорошими партнерами в военной политике, но не в обороне территории Финляндии. Малые государства должны играть наверняка, полагаясь только на самостоятельную оборону. Хегглунд замечает, что по численности армии военного времени Финляндия находится в одной группе с Великобританией, Францией и Германией, и в возможностях защиты своей территории она не уступает никакому другому государству. С США Финляндия должна сохранять хорошие отношения, «что не требует членства в НАТО», не забывая, что Альянс «является лишь инструментом их внешней политики», а не способом добиться «благосклонности Вашингтона», отношения с которым у Финляндии «отличные».

Хегглунд полагает, что переход Евросоюза к принятию решений по военно-политическим вопросам квалифицированным большинством, а не консенсусом, даст возможность со временем создать «НАТО двух опор», с передачей расположенных в Европе натовских структур Евросоюзу, что позволит ему стать полноценным субъектом мировой политики. К России же Европе следует относиться «прохладно» как к «партнеру по бизнесу, а не пациенту, которого нужно лечить». За Россией, впрочем, надо внимательно наблюдать поскольку в последнее время она показала готовность «использовать военную силу для продвижения своих интересов» в отношении соседей. Хегглунд высоко оценивает обороноспособность своей страны, указывая на эффективную оборонительную систему, современную военную доктрину и твердую поддержку народа. Заканчивается книга словами: «у нас хорошие возможности для плавания в бурных водах в том случае, если мы по-прежнему будем поддерживать свою обороноспособность» [1; 177–182].

Работа выполнена в рамках подпроекта «Создание экспертно-аналитического бюллетеня Безопасность на Севере Европы: Россия – НАТО. Актуальная повестка» Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021 гг.

Список литературы:

1. Hägglund G. *Rauhan utopia*. Docendo, 2014. 182 s.

[1] Густав Хегглунд – сын генерал-лейтенанта Йохана Вольдемара Хегглунда (1893–1963).

[2] Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории России.

[3] Мартти Ахтисаари вступил в должность президента Финляндии 1 марта 1994 года. В книге его имя не упоминается, как и имена других финских президентов.

[4] В книге достаточно много и других слабых мест, свидетельствующих о пробелах в образовании и эрудиции автора. Не стоит забывать, что он профессиональный военный со специфическим набором знаний о мире. Финнами он называет карелов, составлявших основное население Карельского перешейка в начале XVIII века. Их поголовное истребление казаками – один из самых одиозных мифов финской историографии, впрочем, не всей. Аналогичный миф в России и СССР относительно довоенной Финляндии (1918–1939 гг.) – стремление независимой Финляндии к захвату всех населенных финно-угорскими народами территорий «до Урала» включительно. В действительности, в этот период (в 1918–1919 и 1941–1944 гг.) целью было создание Великой Финляндии с аннексией Кольского полуострова (в 1941 году уступлен на переговорах в Берлине Германии), советской Карелии и северной части Ленинградской области, включая р. Свирь и 30–40-километровый пояс безопасности южнее Свири. Для этого планировалось все славянское население оккупированной территории депортировать в оккупированные немцами части России. Из 20 тыс. человек «ненационального», то есть, нефинно-угорского населения, заключенных в концлагеря в Петрозаводске и за его пределами для последующей депортации, от голода и болезней умерли от 4 до 7 тыс. человек, в основном женщины, дети и старики. Об этом <https://www.youtube.com/watch?v=ikwj1dlzsgA> Можно выбрать субтитры на финском и английском языках.

[5] В ходе кампании по избранию первого «постсоветского» президента Финляндии в конце 1993 – начале 1994 года вопрос возврата «утраченных» территорией был одним из центральных в программах нескольких кандидатов. Тогда же была создана организация ProKarelia поставившая цель сохранения в международной повестке проблемы возвращения перешедшей СССР по условиям

Московского договора территории Финляндии.

**Review of the book Hägglund G. Rauhan utopia.
Docendo, 2014. 182 s.**

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Рецензия на кн.: Pyukönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p. (Пююкёнен Ю. Северные партнёры НАТО: как соотносятся политические курсы сотрудничества Финляндии и Швеции с Альянсом?).

**СЕРОВА
Екатерина**

*Студент 4-го курса профиля «история международных отношений»,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводск, Россия, midav1996@mail.ru*

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

В октябре 2016 года Финский институт международных отношений (UPI) опубликовал доклад, который, по мнению Микко Киннунена, директора отдела по политике безопасности и управлению кризисами при МИДе Финляндии, можно считать полноценной монографией, первой в своем роде по истории партнерства Финляндии и Швеции в НАТО в сравнительной перспективе, в котором рассматривается не только вклад Финляндии в историю миротворческой деятельности и кризисного регулирования, но и проводится анализ климата международной безопасности в Европе. Название доклада — Северные партнёры НАТО: как соотносятся политические курсы сотрудничества Финляндии и Швеции с Альянсом? — отражает цель исследования, которая состоит в поиске сходств и различий между политическими курсами Финляндии и Швеции в области безопасности, формирующимися в процессе военного сотрудничества с Альянсом. Этот замысел подталкивает автора к размышлениям о том, смогут ли Северные страны-партнёры, оставаясь приверженцами политики неприсоединения, поддерживать сотрудничество с НАТО в соответствии с интересами руководства Альянса.

Текст доклада сильно политизирован, и создаётся впечатление, что автор — Юха Пююкёнен, бригадный генерал в отставке, аналитик по вопросам безопасности — во многом ищет оправдания действиям и мерам, предпринятым силами Альянса. Северные страны-партнёры находят всё больше точек соприкосновения и разделяют перспективы дальнейшей разработки совместных с НАТО способов реагирования на действия Москвы, которые, по мнению финских экспертов, ставят под угрозу международную безопасность. Следует отметить, что президент Саули Ниинистё является одним из европейских политиков, сохраняющих личные контакты с президентом России в условиях санкционного противостояния.

Во введении автор подчёркивает роль НАТО как гаранта европейской военно-политической стабильности, как посредника в диалоге между Европой и США, как актора, содействующего совместимости и стандартизации материально-технических возможностей, а также указывает на новую роль Альянса в приобщении к западным ценностям стран, не входящих в него. Представляет интерес то обстоятельство, что в докладе не говорится о возможном членстве Финляндии и Швеции в НАТО, и тема

Серова Е. Рецензия на кн.: Pyykönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p. (Пююкёнен Ю. Северные партнёры НАТО: как соотносятся политические курсы сотрудничества Финляндии и Швеции с Альянсом?). // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 2. С. 50-53. ~~рассматривается автором в связи его представлениями об «экзистенциальной безопасности нации» [1; 21].~~ Авторский способ подачи материала базируется на трёх подходах: сначала говорится о практике сотрудничества НАТО и стран-партнёров, затем о целях, преследуемых политическим руководством Финляндии, главным образом, по продвижению национальных интересов путем расширения военного сотрудничества с НАТО, и, наконец, о политической линии шведского руководства.

Вторая глава посвящена 1990-м годам, периоду, когда произошла переориентация НАТО, инициировавшего новые программы и механизмы сотрудничества. Автор прослеживает путь Финляндии и Швеции от статуса наблюдателей до постоянного представительства в штаб-квартире НАТО (с 1998 года) и отмечает, что с самого начала национальные представители были вовлечены в разработку практически всех концепций сотрудничества, связанных с партнерскими отношениями, таких как Концепции оперативных возможностей (ОСС), Объединенной оперативно-тактической группы (CJTF) и Программы по подготовке сотрудников и повышению квалификации (ТЕЕР, позднее МТЕР, ЕТЕЕ).

Автор приходит к выводу, что к концу XX века Швеция по сравнению с Финляндией была лучше подготовлена к расширению сотрудничества с НАТО в связи с готовившейся военной реформой, предполагавшей сокращение боевых единиц на 60—90%, а также переход от призывной службы к постоянным профессиональным вооруженным формированиям. Финляндия же располагала более крупными традиционными вооруженными силами, меньшими ресурсами для проведения военной реформы, поэтому трансформация ее вооруженных сил была «весьма осторожной и поверхностной».

В третьей главе автор задаётся вопросом, как реализовывались программы сотрудничества в обеих странах-партнёрах, рассматривая, прежде всего, поведение финского и шведского контингентов в регионе Западных Балкан. Автор подчёркивает, что если прежде Финляндия и Швеция привлекались к участию в миротворческих операциях под эгидой ООН, то операция на Балканах под эгидой НАТО потребовала расширения или даже пересмотра взглядов по вопросам национальной обороны.

В сложившейся ситуации Финляндия и Швеция получили доступ к совещаниям и консультациям со всеми союзными представителями, а также были наделены новыми обязанностями, например, командование отдельными частями. Наконец, вызывает удивление то как автор санкционирует проведение НАТО воздушной операции в Косово, положительно характеризуя эту инициативу и считая её «убедительным свидетельством возможности НАТО предоставить военную помощь для защиты гражданского населения без мандата Совбеза ООН» [1; 49].

В четвёртой главе анализируется вклад Финляндии и Швеции во взаимодействие с натовскими структурами, в фокусе внимания автора оказываются различия в определении направлений сотрудничества «двух близнецов». Так, для Финляндии отношения с руководством Альянса остаются всегда деликатным вопросом, совместные учения напрямую связываются с национальной обороноспособностью и вызывают серьёзную обеспокоенность как у политиков, так и у гражданского населения. Положительно характеризуя деятельность сил реагирования НАТО (NRF), автор отмечает их роль в интенсификации учений и содействии эффективному использованию технических средств странами-партнёрами. На сегодняшний день Финляндия предлагает резерву сил реагирования передвижную диагностическую лабораторию (с 2012 года), специальную группу особого назначения (с 2013 года), эскадрилью истребителей F- 18 Hornet (с 2014 года) и легкую десантную пехотную роту (с 2015 года). На 2016 год было запланировано создание механизированной пехотной роты, а на 2017 год развёртывание минных тральщиков и разработка новой передвижной диагностической лаборатории.

Автор обращается к работе Международного центра ВС Финляндии (FINCENT), известного своими обязательствами по командованию, развертыванию и поддержке всех операций по урегулированию кризисов. В 2001 году FINCENT был аккредитован как учебный центр НАТО и, начиная с этого времени, центр стал предлагать учебные курсы для стран-союзников, а также ежегодно направлял около 1500 сотрудников для участия примерно в десяти операциях. Ещё двумя годами ранее подобный центр (SWEDINT) получил аккредитацию в Швеции.

Несмотря на параллели в институциональном оформлении сотрудничества с НАТО, степень вовлеченности Северных стран-партнёров в те или иные мероприятия остаётся различной и по сей день. Регулярные учения НАТО по управлению кризисами CMX-16 продемонстрировали, что если в Швеции была объявлена мобилизация 60 000 человек, а также натовским силам было разрешено использовать шведское воздушное и морское пространство, то в Финляндии особое внимания было уделено роли национального участия финнов в учениях, что традиционно предполагает меры по защите территории Финляндии и содействие обмену информацией.

В действительности, сценарий взаимоотношений НАТО и стран-партнёров в североевропейском регионе показал, что независимо от сходства на техническом, тактическом и оперативном уровнях,

Серова Е. Рецензия на кн.: Pyykönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p. (Пююкёнен Ю. Северные партнёры НАТО: как соотносятся политические курсы сотрудничества Финляндии и Швеции с Альянсом?). // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 2. С. 50-53.

~~степень политического сотрудничества имеет существенное значение. В данном случае уместен пример~~
операции НАТО в Ливии, от участия в которой финские ВС отказались. В связи с этим, очевидно, что страны-партнёры придерживаются разных концепций сотрудничества с НАТО: Швеция заинтересована в создании боевых групп ЕС (EUBG) (шведы трижды направляли свои контингенты), а для Финляндии важно само участие в составе сил реагирования (NRF). Кроме того, шведские силы по сравнению с финскими достаточно чаще задействованы в военных играх под руководством американского командования, особенно в 2015 и в 2016 году, когда две военные игры проводились в соответствии со сценарием нападения ВС России на прибалтийские страны.

Важные выводы, к которым приходит автор, построены в основном на определении разницы в приоритетах задач финских и шведских ВС. Для Финляндии результатом тридцатилетнего реформирования стало сокращение ВС до одной трети (армия военного времени до 230 000 солдат), тогда как в Швеции на сегодняшний день остаётся менее одной десятой ВС от максимальной численности в период холодной войны (сокращение с 800 000 до 60 000 человек). Финляндское руководство считает, что вооруженные силы страны должны обеспечить защиту всей территории, тогда как шведское руководство фокусируется на нескольких стратегически важных регионах, каждый из которых должен удерживаться в течение одной недели («one-week defence» (en-veckas-försvaret)) [1; 82]. Поэтому в противоположность Финляндии, у которой достаточно сил для обеспечения национальной обороны, Швеция после истечения недельного срока боевых действий ожидает внешнюю помощь.

Автор отмечает, что сильная сухопутная армия Финляндии способна обеспечить обороноспособность в отличие от относительно слабых военно-морских и военно-воздушных сил страны. Финские ВС в большей степени ориентируются на территориальную оборону, тогда как шведы готовят свои силы для реагирования на глобальные кризисы.

Лейтмотивом пятой главы является мысль о стирании границы между членством и партнёрством с НАТО на фоне появления новых прав и обязательств. Автор пишет о формировании двух возможных подходов к развитию сотрудничества с НАТО: линейном пути, нацеленном на достижение более качественной и количественной совместимости с силами Альянса, и альтернативном пути или нелинейном подходе, который предполагает создание региональной группировки Северных стран, имеющих общие интересы с НАТО. Автор больше симпатизирует первому подходу (хотя открыто об этом не говорит), что по сути означает военное и политическое сотрудничество с НАТО. На сегодняшний день можно говорить и о видимых результатах реализации этого подхода: участие в Совместных экспедиционных силах (Joint Expeditionary Force 2017) с целью объединения сил Швеции, Финляндии и стран-членов НАТО в оборонительных действиях на Балтийском море, на 2018—2019 годы запланированы учения High Visibility Exercise (HVE), направленные на достижение транспарентности совместных действий стран региона. Кроме того, в 2016 году Швеция и Финляндия разрешили союзным странам проводить учения на своей территории и оказывать помощь в кризисных ситуациях.

Автор с удовлетворением отмечает продвижение сотрудничества по вопросам обороны в Североевропейском регионе. В последние годы оборонное сотрудничество между Данией и Швецией даёт свои преимущества, в частности, Швеция предоставила возможность датским истребителям использовать короткий маршрут через свое воздушное пространство для перехвата российских самолетов в воздухе у Борнхольма. Другим шагом на пути укрепления региональных связей можно считать предложенный шведским парламентом законопроект об обороне на период с 2016 по 2020 годы (Swedish Defence Bill 2016—2020), который помимо увеличения бюджетных расходов предусматривает организацию дополнительных учений и развитие более тесного военного сотрудничества с Финляндией.

Доклад формирует актуальную повестку дня: как странам-партнёрам воспринимать и соответственно соблюдать правила, которые диктует командование НАТО, и при этом претендовать на достоверную информацию о текущем положении дел в союзных НАТО странах. Тем временем руководство Альянса продолжает укреплять свою командную структуру в непосредственной близости от стран-партнёров. Известно, что сегодня финские и шведские военные представители заседают в новом штабе НАТО в Щецине (Северная Польша), где размещается многонациональный корпус. Финские и шведские офицеры работают в большинстве штаб-квартир и командных структур, регулирующих ситуацию в регионе Балтийского моря.

Работа выполнена в рамках подпроекта «Создание экспертно-аналитического бюллетеня Безопасность на Севере Европы: Россия – НАТО. Актуальная повестка» Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021 гг.

Серова Е. Рецензия на кн.: Pyykönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p. (Пююкёнен Ю. Северные партнёры НАТО: как соотносятся политические курсы сотрудничества Финляндии и Швеции с Альянсом?). // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 2. С. 50-53.

Литература

1. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p.

Review of the book Pyykönen J. Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p.

**SEROVA
Ekaterina**

*4rd year student of History of International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences, Department of World
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk, Russia, midav1996@mail.ru*

Шестая ежегодная международная конференция «Октябрьские чтения»

ИНОЗЕМЦЕВА
Варвара
Анатольевна

*кандидат философских наук,
доцент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводск, Россия, zeta@onego.ru*

ЧЕРНЕНКОВА
Елена
Ивановна

*кандидат исторических наук,
доцент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводск, Россия, chernenkova_lena@mail.ru*

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2017 года

С 19 по 21 октября 2017 года состоялась Шестая ежегодная международная конференция «Октябрьские чтения», которая традиционно проводится в Департаменте прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Годовщина революций 1917 года определила центральную тему конференции – «Чему еще нас не научили революции? Россия в глобальном политическом времени и пространстве». Со-организаторами конференции выступили Российская ассоциация политической науки и Московское представительство фонда Фридриха Эберта. В рамках конференции состоялся молодежный форум, где выступления делали студенты, а также 10 секционных заседаний, которые проходили как на русском, так и на английском языках. Всего в работе конференции сделали сообщения и выступили в роли дискуссионщиков около шестидесяти человек из девяти стран – России, Англии, Германии, Греции, Испании, Польши, США, Швейцарии и Эстонии.

Революции, революционные движения и идеологии – начиная с 1917 года и заканчивая современными революциями в странах постсоветского пространства и на Ближнем Востоке – оказывают огромное влияние на протекание политических процессов в России, Европе, Америке, странах БРИКС, других регионах и ставят множество вопросов перед исследователями. Среди этих вопросов: осмысление революционного опыта и его соотношение с актуальными вопросами политической науки и международных отношений; проблемы перевода конфликтогенности в стабильное поступательное развитие; формирование «инфраструктуры» коллективной памяти и многие другие. Содержательное наполнение программы конференции продемонстрировало междисциплинарность и плюрализм научных подходов в изучении феномена революции специалистами из разных академических школ и отраслей. Это явствует из названий секций: «Революция в условиях секьюритизации», «Социологические и философские аспекты революции», «Изменение и преемственность в мировом порядке: перспективы России», «Эволюционные процессы политических изменений в российских регионах: институты, акторы, практики», «Революции и международные отношения», «Революция через призму политики памяти», «Переосмысливая революцию: 100 лет спустя», «Революция как социально-политическое явление (основные проблемы исследования)», «Как не допустить революции?».

С пленарными докладами на конференции выступили известные публичные интеллектуалы из разных стран. Среди них: Марк Юрьевич Урнов, д. полит. н., профессор факультета социальных наук и кафедры политологии, в.н.с. Научно-исследовательской лаборатории политических исследований ВШЭ по теме «Великая октябрьская социалистическая катастрофа: плохо осознанные последствия 1917 г.»; Адам Михник, польский общественный деятель, один из наиболее активных представителей политической оппозиции в Польше 1968–1989 гг. главный редактор «Газеты Выборча» с докладом «Неожиданные последствия великих революций»; Питер Вагнер, профессор Департамента социологической теории, философии права и методологии социальных наук университета Барселоны с темой «Идея революции в долгосрочной перспективе»; профессор Питер Ратленд из США (Wesleyan University) с докладом «Ленинское наследие и динамика глобального капитализма»; Ольга Юрьевна Малинова, д. философ. н., профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН с докладом «Политика памяти постсоветской России: невыученные уроки».

Организаторы «Октябрьских чтений» изначально ориентировались на то, чтобы в рамках конференции, помимо вопросов, связанных с осмыслением значения революций, провести сравнительный анализ отечественного опыта и политических вызовов, с которыми сталкиваются разные страны и регионы современного мира. Этот подход позволил включить в программу «Октябрьских чтений» в рамках области обсуждения «От «революции» к «эволюции»: сравнительный анализ опыта мирных политических реформ и преобразований» панельную дискуссию «Общественное участие и местное самоуправление в сравнительной перспективе (опыт междисциплинарных исследований муниципальных практик городов-побратимов Петрозаводска и Тюбингена)». Работа над подготовкой программы этой дискуссии активировала контакты кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета с исследовательской группой, возглавляемой сотрудником института политических наук Университета г. Тюбингена доктором Рольфом Франкенбергером.

В проведении панельной дискуссии со стороны ПетрГУ участвовали доценты: кандидат исторических наук Е. И. Черненкова, кандидат политических наук Е. Ю. Цумарова, кандидат философских наук В. А. Иноземцева, кандидат философских наук А. Ю. Ильин. Впервые в «Октябрьских чтениях» приняли участие представители кафедры социологии и социальной работы: доцент, кандидат социологических наук Ю. А. Петровская; доцент, кандидат философских наук И. А. Милюкова и старший преподаватель К. Ю. Терентьев.

Во время панельной дискуссии с обоснованием теоретических и методологических аспектов сопоставления принципов построения локальной политической организации выступил профессор Р. Франкенбергер. Опираясь на использование теории систем в качестве эвристики для межрегиональных сравнений, Р. Франкенбергер выявил эффекты взаимодействия формального институционального порядка, неформальной политики и политической культуры в местной политике на примере городов-побратимов Петрозаводска и Тюбингена.

Социальные инновации, участие общества в формировании определенного качества жизни человека в сравнительной перспективе стали темой совместного доклада Юлии Петровской и немецкого исследователя из университета Тюбингена Даниэля Бура. Ученые обосновали необходимость участия в создании инноваций широких слоев населения. При этом была подчеркнута особая роль российских некоммерческих организаций (НКО) как субъектов инновационной активности в социальной сфере. Практика немецкой социальной инноватики была представлена идеей ДомаФазЖизни в Тюбингене.

В докладе Е. И. Черненковой и В. А. Иноземцевой были раскрыты формы и механизмы взаимодействия государственных и общественных институтов в Республике Карелия. Среди механизмов представлены: государственная программа Республики Карелия «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина» на 2014–2020 гг.; конкурсы президентских грантов; грантовая поддержка со стороны региональных министерств; деятельность общественных приемных и общественных советов при структурах исполнительной власти.

Обращение к институционализированным практикам вовлечения граждан в процесс принятия решений на уровне местного самоуправления было осуществлено в докладе А. Ю. Ильина и Е. Ю. Цумаровой. На основании анализа функционирования институтов общественных слушаний, общественно-консультативных структур и доступа к информации о деятельности органов власти исследователи сделали выводы об имитационном характере общественного участия в Петрозаводском городском округе.

В докладе И. А. Милюковой и К. Ю. Терентьева были представлены результаты эмпирических исследований общественного участия и гражданской активности в ценностной структуре и современных практиках студенческой молодежи Петрозаводска. В сообщении сделаны выводы о том, что в структуре ценностных ориентаций студенчества гражданская позиция и общественная активность занимают крайне низкие позиции, интерес к политике носит ситуативный характер; готовность же к гражданской активности проявляется выше, когда речь идет о локальных инициативах, имеющих отношение к повседневной жизни молодежи. В то же время, многие ценности, на которых базируется гражданское общество (уважение к другим, солидарность, толерантность, социальная ответственность и т.п.) оказались весьма значимыми для студенчества.

В рамках секции «Переосмысливая революцию: 100 лет спустя» состоялось выступление С. С. Рожневой «Октябрьская революция 1917 г. в контексте исторической памяти современной России». В выступлении было отражено переосмысление символа Октябрьской революции как элемента исторического нарратива в постсоветский период.

Ко времени проведения «Октябрьских чтений» вышла совместная монография Rolf Frankenberger / Elena Chernenkova (Editors) (2017): *Local Politics in a Comparative Perspective. The Cases of Petrozavodsk and Tübingen*, изданная в ФРГ в издательстве Baden-Baden: Nomos Publishers (Monographic Series of the European Center for Research in Federalism / Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung, Vol. 49), что дало возможность представить совместный труд исследователей Петрозаводска и Тюбингена участникам конференции «Октябрьские чтения».

Шестая ежегодная международная конференция «Октябрьские чтения»

INOZEMTSEVA
Varvara

*PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Science, Department of World
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk, Russia, zema@onego.ru*

CHERNENKOVA
Elena

*PhD in History,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Science, Department of World
History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk, Russia, chernenkova_ena@mail.ru*